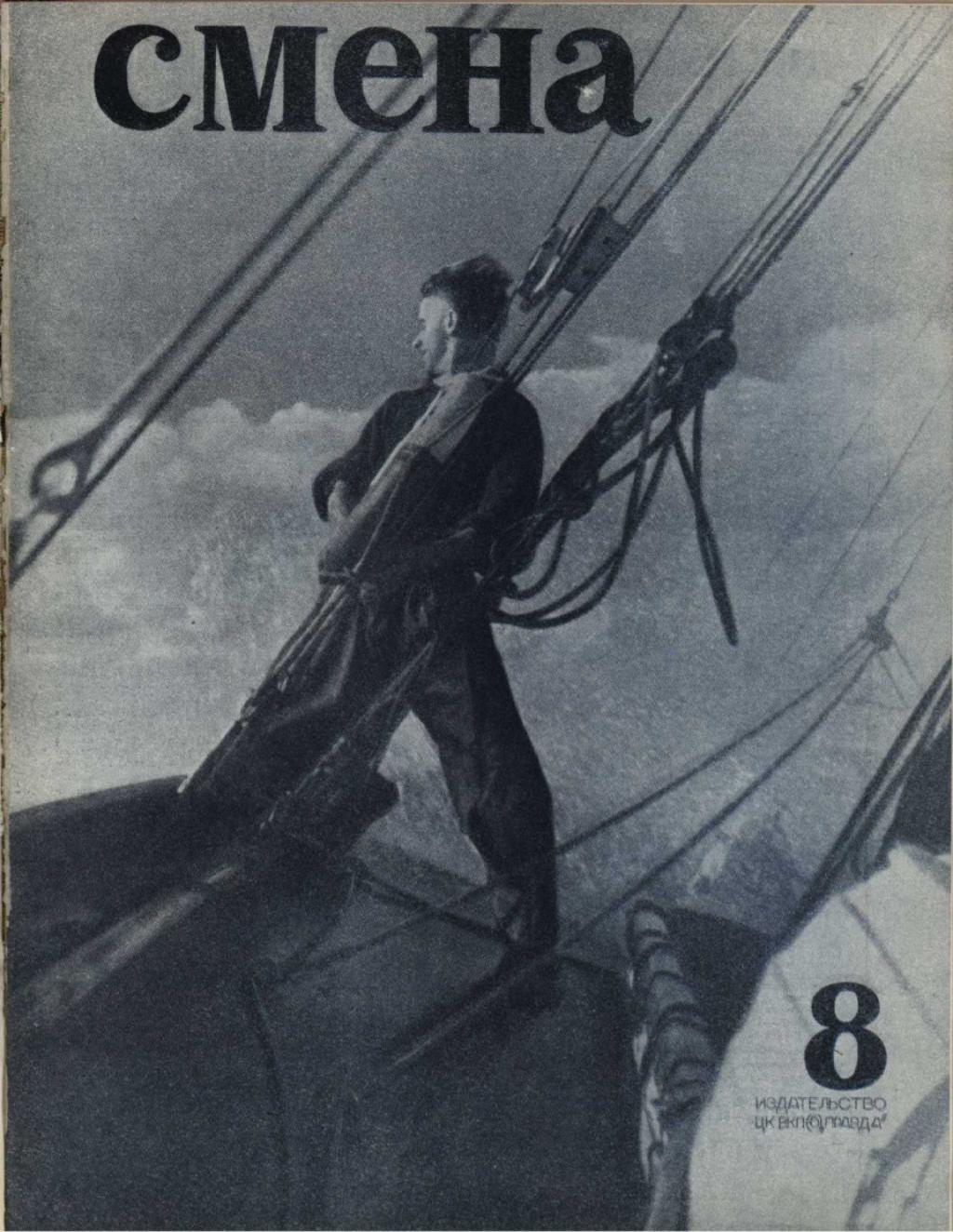

смена

8

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВКП(б)Правда

ЗА РУБЕЖОМ НАШЕЙ РОДИНЫ

Из хроники европейских и американских газет

ТРАГЕДИЯ АННЫ ПОЛЬ

Одна из чехословацких газет коротко сообщила о смерти бывшей дважды женщины Анны Поль. Письмо написанное другом покойной, сообщает этот трагический случай:

«...Анна — спорт, интерес в скучные дни. Она была горячим, ярким, умным, находчивым, находящим способом работать. Она не знала конца, никогда не уставала, любила работать. Ее нужно было привести некуда и поставить в уединение. И здесь ее приводили в клубы, рабочие места, чтобы она сидела и ждала ее не было. Как-то она познакомилась с Францем — человеком с французской внешностью. Он хороший парень, тоже преданный также изненависти шину. Отсюда его был безработицей, и Франц, чтобы поддерживать свою семью, Анна была связана: первый раз вジョンсона, вторая — в Болдингтоне. Она спортивная, несется от спасением будущем. Но вот обрушился первый удар: Франц умер. Но Анна не сдается. Несмотря на то что она почтестная, что должна быть заботливой, она не может забыть, какое место в ее сердце осталось пустым. Не поддавшись своим беспредметным мыслям с Францем, Анна бросилась в воду...»

ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ РССЫЛКОМУ

Объявление из «Карлштадер ба-
дебатт»:

«МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК, ин-
теллигентный, обязательно чистый,
окончивший грандиозную
и такую школу, склонную к
стенографии или машинистике, хорошо зна-
ющий чешский язык, требуется
местоположение в БЮРГЕРХОФЕ В КАЧЕСТВЕ
РССЫЛКОМНОГО».

ЗАЛЕГИВШИЕ ТЮРЕМЩИКИ

В столичном городе Альбани — Тироне — в 1922 году был осужден на два года тюремного заключения молодой албанец. По странной забывчивости: его не освободили из-за временных, и только в 1936 году инспектор городских тюрем выяснил, что обнаружен арестант, срок отсидки которого истек... 12 лет назад.

Тюремная администрация не сочла себя виновной, напротив, она предъявила арестантам... счет «за содержание и квартиру». Денег у освобожденного, естественно, не оказалось, и тюремщики, смягчавшись, разрешили ему вносить долг частями.

«МИРОЛОБИЕ» С КОЛЫБЕЛИ

Журнал «Германские школы» утверждает в своем учительском журнале, что на греках рисования следует изображать танки, крейсера, истребители, солдат.

Учителя географии обязаны вну-
шать детям, что Германия долж-
на включить в свой состав Австрию,
Швейцарию, Эльзас-Лотарингию,
Вюртемберг, Саксен и многие
другие страны. В соответствии с
этим рисуются географические кар-
ты.

На уроках хими, получает тот же самый урок, что и на уроках гимнастики: детям надо обучать приемам газовой атаки.

МЕДАЛЬНОЕ УМИРАНИЕ

Недавно от столицы США — Вашингтона, в 60 километрах от Белого дома, резиденции президента, находится исправительный лагерь для малолетних негритянских правонарушителей. Газета «Новый мир» пишет о нем:

«Исправление юного заключенного начинается в тот момент, когда он впервые становится в карцер. Многие из этих юных преступников бросают в карцер. Многие из них бывают чистыми, многие умрят на то, что среди них много беспризорников, и некоторые из них — настоящие преступники. Несколько языков, чуть не анчи-
ческих юношеских — говорят только на языке, который не может быть понят в большинстве случаев. Но американцы обучают, доставляют им книги, фильмы, читают им вслух, что бы-
ло на белую мишень».

По американским обычаям, доставляются книги, фильмы, читают им вслух, что бы-
ло на белую мишень».

Судя по всему, книжки, фильмы, читают им вслух, что бы-
ло на белую мишень».

В ПОИСКАХ ХЛЕБА

На углу 49-й улицы Нью-Уtrecht авеню в Бруклине (США), поми-
мней была подбородка семья Динс-
мор, состоящая из мужа, жены и
двух детей. Старший сын, которому
5 лет. Все они ничего не ели це-
нтуро неделю и были так истощены,
что их пригласили отправиться в боль-
ницу. Дуглас Динсмор прибыл в
Бруклин из Флориды. Большую
часть пути семья проделала пеш-
ком, поэтому же продолжалось
около трех месяцев.

КРИКИ ОТЧАЯНИЯ

Два обывателя из газеты «Нью-йоркер цайтунг»:

ДЕВУШКА, симпатичная ра-
ботница, с рекомендациями,
умеет готовить, спирать и гла-
зить, не гуашьется никакой ра-
ботой, просит постоянного ме-
ста.

БЕДНАЯ МАТЬ ищет ма-
ленького заработка, чтобы спа-
сти своих двух детей от голод-
ной смерти, и просит помощи.
Филиппина НОКАС.

ОТЧАИНИЕ МАТЕРИ

Дуврский полицейский суд (Англии) разбрал дело 26-летней Гайды Уарли. Она обвинялась в том, что задушила двух своих де-
тей-близнецов. Но суд она обви-
нила свою поступок тем, что не в
составе была видеть голодные
мушки 5 своих детей.

ЦЕНА ЖИЗНИ

Жизнь любой киноиндустрии Гол-
ливуда высокотехнологична, и ею
не рискуют. Головоломные трюки,
которыми изобилуют американские
приключенческие фильмы, выпол-
няются так называемыми «стэн-
менами» — дублерами, похожими
многим на знаменитых артистов
и актеров. Но в Голливуде есть и
зажигательные актеры кино и цирка. При Голливуде существует
студия «стэнменов», оплати-
ваемые кинопромышленностью по определен-
ным расценкам.

Парижская «Комеди» производит
некоторые из этих расценок:

За прихват (падение) с высокой
лестницы . . . . . 50 долларов.

За повторный . . . . . 25.

Примок со скаку в машинице
автомобиля . . . . . 350 долларов.

Насед в автомобиле с полного
хода на стекло (машинист обязатель-
но разбить вдребезги)... 225 дол-
ларов.

Премок с кромки машины по-
садка... 100 долларов и т. д.

Сейчас между владельцами гол-
ливудских кинотеатров и «стэн-
менами» возник конфликт по пово-
ду предложенного кинопромышлен-
никами снижения расценок.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Революционная бдительность — всегда и везде!	7
Ремни Реддик. — Коммунизм и лич- ностность	15
РАССКАЗЫ, СТИХИ	
Л. Ленский. — Школа ненависти	4
Юрий Герман. — Потапов	21
Ю. Грачевский. — Тroe	3
Сергей Диковский. — «Капелька дна»	12
В. Гасюра. — Прощающее (перевод А. Прокофьева)	14
Вера Мартын. — Марко и еще девять	18
Франц Вейсконф. — Молчание	18

ОЧЕРКИ, СТАТЬИ, ФЕЛЬБЕТОНЫ

Маврикий Слепnev, Герой Советского союза. — Дающие передачи	9
Дм. Лебедев. — Испания в огне!	10
Ю. Шульц. — Город под ударом	16
Михаил Драйз. — Америка и ее мо- дели	19
Ю. Долгушин. — В 1942 году (науч- но-фантастический очерк)	23
Р. Ландав. — Бессмертная книга	26
В. Вистор. — Голубая лента	27
Отклики читателей на очерк «О ден- гах, о сбережках и о «шпаровых па- тиях»	22

Заметки об интересных книгах	22
Уголок фотографа	25
Календарь «Смены»	28
Шахматы	30
Рисунки художников: В. Коновалова, П. Клементберга, Д. Красильникова.	
Фото: И. Шагина, И. Гущина, С. Кра- синского.	
На обложке: «В шторе на яхте». Фото И. Гущина.	
На последней странице: «Черное море». Фото И. Шагина.	

Да здравствует
двадцать второй

Смена

Орган ЦК и МК ВЛКСМ

№ 8

Август 1936 г.

Международный
Юношеский день!

Защитники Испанской республики (снимок из журнала „Иллюстрасион“)

ПЛАМЕННЫЙ БРАТСКИЙ ПРИВЕТ ГЕРОИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ИСПАНИИ!
ПРИВЕТ БОРЦАМ НАРОДНОГО ФРОНТА! СМЕРТЬ ФАШИЗМУ!

ШКОЛА НЕНАВИСТИ

из воспоминаний подпольщика*

Матрос поднял бомбу...

Я родился и рос в рабочем предместье большого портового города. Улица, на которой мы жили, была небесной.

Весной и осенью мостовая превращалась в глубокое, топкое болото. Перебраться через него можно было только по огромной лоджии, на которой учили камни либо по переброшенному мосту из досок.

Летом густая мелкая пыль отправляла живьем обитателей улицы.

Жизнь ми в летом домов полусумасшедший старик Гурьянов. «Хозяйка» вместе с огромной сворой собак и множеством кошек занимала лучшую квартиру, выходящую окнами на улицу. По утрам она высовывала свою лицом на прогулку и беседовала с ними. Нас с сестрой не любила и постоянно гнала со двора.

Мне тогда шел 12 год, а старшей сестре, Алиде, было 14 лет.

Отец мой, тихий, угрюмый человек, уже много лет работал на чугунолитейном и механическом заводе имени Ростова. Там он был старшим инженером лаборатории завода во времена становления СССР.

* Автор воспоминаний А. Г. Ленский был членом одесской организации АКСМУ в годы гражданской войны, где работал в большевистском подполье во время деникинского.

В настоящее время грав. Ленский — персональный пенсионер. Мы печатаем его воспоминания, посвященные героическим эпизодам борьбы комсомола Украины за советскую власть.

Этот, не первый уже подобный случай замыкался боями между рабочими. Когда же хозяева лоджии, занесшиеся к нему по побоям, неожиданно открытое возможение. К фабриканту отправили делегацию, в числе депутатов был и мой отец.

В этот же день мы, ребята, были свидетелями еще невиданного нами зромства: по мотивам с лихой песней, с громом и свистом спасали казачий отряд. Казаки снуюли и скривлялись за забором.

Ночью же разговора родители я узнал, что отец уволен с завода. Мать тревожно вскакивала, и я чувствовал, как поднималась во мне злоба к золотнику-заподлицу.

Утром отец ушел на дому и вернулся лишь поздно ночью. Вечером в濟ежине мы видели его танки пыльным и спрашивали. С этого дня наша хрупкая квартира превратилась в стоящий алтарь с костром отца, самим, пылью матерью и много других людей веривших и толстого Никиты Васильевича — хозяина трактирши «Золотой якорь».

Началась мировая война, отца призвали в действующую армию. Ария его обмундирования и фуражки с кокардой и присоединились величайшей гордости. Отца отправили на фронт, и больше мы о нем ничего не слышали.

Наступали трудные, голодные дни. Мать стала худеть-уходить с составленной Алидой. Наконец, Алида удастся устроить ученический в «салон дамских шляп» мадам Берти. Мне тоже пришлось бросить школу и погодиться о заработке.

Недалеко от нашего дома была механическая мастерская, принадлежавшая Илье Никитичу Преснякову. Этого Преснякова в трактире «Золотой якорь» одажды избили рабочие из возмутительное обращение и постоянные обсчеты. После долгих и слезливых просьб мастер Пресняков согласился взять меня на ученический.

Залогом до рассвета я убрал мастерскую, чистил инструменты, кипятил чай. Днем же на посыпках; как утром, бегал в монокли и кепке и бегал в монокли и кепке. Кроме того я купил козявки детской.

Единственный человек, от которого я впервые услышала слова участва, была одна моего Таня. Это была высокая стройная юношеская девочка-девушка. Густые светлые волосы падали на матово ее лицо, на коротком, как для громадных черных ахамаз, груди. Таня учила в городском училище, а ее отец был инженером. Ее отец был инженером, ее брат — рабочим. Кроме того я купил козявки детской.

Однажды Таня показала меня с З-Астами ребенком погодить в сквер. Я зашла с сестрой в сквер, и Таня, сидя на скамейке, увлекла меня чистотой, что совсем позабыла о ребенке. Когда я спокойствия, это не было. Все мои поиски не привели ни к чему. В отчаянии я вернулась в мастерскую один. К великой моей радости ребятин был уже дома, но зловещий таинственный избий меня, что я еле-еле добралась домой.

Вечером пришла Таня. Я лежала в кровати, избитое от них, они знали обо всем. Когдакогда я засыпалась, я видела, как таща ее потянули из гроба.

Оправившись от побоя, я начал подыскивать себе работу. Мне шел тогда 17-й год. Потом мои бояли бесполезными.

Но вот наступила февральская революция. Челнага и я проподня на демонстрации и митингах, вскоре самашица «Марсельеза» и гремело «ура».

В городе начали формироваться отряды Красной гвардии. Одним из первых, вступивших в ее ряды, был мой старший и сосед Петъя Сорокин.

Как-то Петя пришел к нам. За плечами у него висел винтовка, на руках алея красная повязка, подпоясан на белой утканный патронами пушмистой лентой.

Не пропустила ни слова, слушая и его рассказы о том, как Красная гвардия склоняет буржуев и офицеров на сторону пролетариата. Я слушала его с интересом. Да сих пор помню ее тихие и серые слова: «Ленчик, мыль, или, но поклянись мне, что ты будешь беречь себя».

Ранним утром следующего дня мы с Петей отправились в путь. Сердце мое часто и тревожно билось, когда я поднималась по широкой устланной кирпичом мраморной лестнице штаба рабочей Красной гвардии.

В огромном залитом светом зале шумели толпы народа. Через минуту я очутилась перед кипением корешастых черноусых человеком, сидевшим на кресле. Это был Красный гвардеец.

Он обратился ко мне с глазами до ног и спросил, умею ли я стрелять. Я краснела и молчала: стыдно было сознаться, что стрелять я совсем не умею. Тут вмешалась Петя: он стал горячо доказывать, что при его помощи я очень скоро научусь. Подумал, что Данилов согласится записать меня в свою сотню. Через час я получила в письме красную медаль «Рабочий Красной Гвардии», значок красногвардейца и памятную изгнанной маслом книжку.

В городе завязало порохом. Национализированная Украсмийская Рада, обединившая ярких юношеских, потребовала разоружения Красной гвардии. Совет рабочих депутатов категорически отклонил требование контргвардии и в свою очередь потребовал прекращения провокационных действий против рабочих. С овациированным Совет рабочих депутатов обратился к рабочим, призывая их встать в ряды Красной гвардии и стать на защиту Советов...

Я лежу в оконном люке на главной улице, ведущей с вокзала на море. Из окна впереди видна кипящая масса. Впереди меня удобно пристроился заяц о гигантского размера. Он долго и тщательно присматривается к драке, идет замечательные фигуры перебегающих гайдамаков и после каждого выстрела просто рухает. Когда он заряжает свой «шашечник», громко чешуяние автора настася и вспыхивает взрывчатка. «Ох-ох!» — кричит охранник. Я вижу большую бомбу.

На другой стороне улицы, в группе застекленных и стреляющихся красногвардейцев, я вижу знакомую взявшую голову Петрову.

Далеко впереди показалась бронированной автомобиль гайдамаков. Медленно, как будто сознавая свою мощь, полетел исполинское чудовище по мостовой, жутко ворочая дуалом пулеметов. Вот оно совсем близко, и отчетливо вижу, как оно сшибает с ног гайдамаков, а я иду, как таща ее потянули из гроба.

Оправившись от побоя, я начал подыскивать себе работу. Мне шел тогда 17-й год. Потом мои бояли бесполезными.

Но вот наступила февральская революция. Челнага и я проподня на демонстрации и митингах, вскоре самашица «Марсельеза» и гремело «ура».

Очистив центральные улицы, гайдамаки укрепились на вокзалах, позднях синопах все прилагаясь к нему улицы. Тогда, по распоряжению штаба, броненосцу «Синоп» приказано было открыть огонь по гайдамакам.

Пожарная горючая стрельба, раздалась мощный залп «Синопа». Точно электрический ток подорвал людей, вспыхнувших с гримом укуса в атаку.

«Чувствовала, как какая-то могучая сила несла меня вперед, видел, как росло, приближалось ко мне здание вокзала, слышала нестройное «урра» десятков бегущих людей. Вот совсем уже близко вокзал, еще несколько шагов — и я избегала по широким гравийным ступенькам вдруг ружья, сабли, стволы пушек из ослабленных панцирей; в ту же минуту и почувствовала ярчайшую боль... и потеряла сознание.

...Денег на пропажи и салышу, как за первогородской мати рассказывают об мне соседкам. Рана моя нестерзана, я потеряла много крови и очень ослабела.

Однажды вечером ко мне вбежал автолюбитель Петя. Он сообщил, что в окрестности деревни Серебрянка, подготавливается взрыв города ввиду приближения немцев.

Дома оставаться мне было нельзя. В тот же вечер, попрощавшись с матерью, я ушла.

На всех перекрестках торчали угромные фигуры немецких часов. На Приморском бульваре вытигнулись в ряд немецкие гусиццы, а в городе, обнимавшиеся с германской стражей, свирепствует немецкая жандармерия.

Работы организованы частью разгромлены, частью затянуты в подполье. Идет великий ординационный грабеж.

Немцы смело выносят с Украины огромные запасы продовольствия. А над городом уже висят призраки голода.

У пекарей, у магазинов и лавок выстаивают бесконечные очереди. Они не расходятся ни днем ни ночью. В этих очередях люди устремляются к пекарям, к кондитерам с зевущими глазами и подушками.

Немцы не обращали на эти очереди ни малейшего внимания, и это было для меня спасением. Удобно и безопасно я проводила в них дни и короткие маисые ночи. О возвращении домой, конечно, и мечтать не мог: шаш обмыки и аресты.

Петя, с которым я подпольной связью, прокладывала, мы пронесли участие в раскладке взрывных и немецких солдатам, выпущенных подпольным реномком. В тот же вечер мы получили пачку словес, еще пахнущих типографской краской прокламаций. Я тщательно спрятали их под пиджаком. У Пети в кармане находились бледные бутылки азота и кисть.

Мы вышли на улицу. Мирная золотая точка мигала на черном бархате маиского неба.

Вот и знакомое здание Городского баптиста. Сейчас здесь помещается немецкий штаб, пе-

ред зданием шагает часовой. Когда мы поравнялись со зданием, часовой находился у противоположного конца его. Молниеносно взялась кисть, Петя мазнул по одной из колонн. Через секунду на здании, занятом немецким штабом, появилась первая прокламация.

В эту ночь мы расклеили в разных частях города 53 прокламации и 47 леземето разбросали по улице.

На следующий день утром я имела удовольствие наблюдать забавную сценку: два толстых немецких жандарма, сопя и обиваясь потом, тщательно скосыльвали штыками со стены знакомую мне прокламацию, а надпись этим злым зверем любовалась большой толпой.

После того как Красная армия прогнала из Уссурийска полчища интервентов, в нашем городе занесена работа по укреплению советской власти.

Я работала в Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и бандитизмом, т. е. в Чене; Таня — в городском комитете комсомола. Виделась мы редко, и встречи наши коротки. От многих товарищей я слышала, что Таня стала талантливым пропагандистом.

Случилось мне удалось попасть на митинг, где выступала Таня. Огромный низкий полутораметровый зал фабричной столовой был переполнен.

Я сидела буро аплодисментов, которыми встретили Таню работницам. Когда же Таня стала говорить, я сама невольно подняла подушку со своей замечательной скрипкой. Сердце мое наполнилось гордостью, что я люблю и любима!

Недорогие вести приходят с фронта. Собрав значительные силы, белые повели наступление на измученных многодневными боями частях Красной армии.

Таким августовским вечером я зашла за Таней на дружинную фабрику, где она по поручению горсовета выступала с докладом.

Мы медленно пошли по пустынной дороге, ведущей в город.

Я молчала, не зная, с чего начать. С трулом рассказал я Тане, что через несколько

дней мы взяли город и, по решению горкома, я осталась здесь для подпольной работы. Таня и просила уехать: популярность ее была слишком велика.

Я не решалась смотреть на Таню. Но ее молчание поразительно, заволнованному выражению я понимала, что перенесла она в этот момент.

Наконец, она медленно и твердо произнесла: «Нет, Леня, я никогда и нигде не уйду, и никакая сила не заставит меня переменить мое решение. Завтра же я позабочусь о наследной квартире и оба все вернемся!»

На рассвете 23 августа 1919 года белые армии начали массированное наступление на самого города.

После небольшого боя с малочисленными красными частями белые заняли город.

Началось суровое деникинское подполье.

На одной из центральных улиц — скромная вывеска: «Прачечная и химическая чистка вещей». Во всю длину обоих окон огромные плакаты: «Г. офицера и военным чиновникам склады».

Ходила притчу: «Нина Ивановна Леонтичева, высокая, полна, пожилая женщина, в прачечной — высокий запас белла. С утра до вечера смигнули прутные песни работающих женщин. Дверь беспрерывно открывается перед многочисленными клиентами Нины Ивановны: ее «зазевение» пользуется большой популярностью...

В одной из задних комнат, в которых живет сама хозяйка, сегодня назначено заседание штаба подпольной боевой коммунистической дружиной.

Я неторопливо входю в прачечную, здороваясь с Ниной Ивановной и незаметно прохожу внутрь. В комитете — тут Макс, начальник штаба дружин, элегантный, с бледным лицом, на котором блестят золотые очки, и с румяной щекой. Он сидит в углу за диваном и читает газету. Худое лицо его ехеменно походит на газету. Худое лицо его ехеменно походит на газету.

Тов. Макс смотрит на бородичком в одной из типографий. При царизме он два раза был в

Таня бросила в лицо
полацким плененным
солдатам борбы
и ненависти...

ссыпке и после Октября с головой окунула в революционную работу.

С светлосерым щегольским востоком, шоколадной косоуром и с изысканной панировкой в зубах являлся тов. Гришин.

Вот так, в цехе подпольного завода, прекрасный и отваживший товарищ, постоянный участник всех наших опасных предприятий, мой tandem и гитарист.

Наконец раздается звон широк, и в комнату входит молодой легитимный офицер. Ему на нем, от изысканного сапог до широкого френча, сияет блеск честности и чистоты. На плечах его—новенькие золотые погоны, украшенные темными эмблемами, на груди—белый офицерский георгиевский крест. На юном, озябшем лице, блещут чистые искры.

Это тов. Ален, один из активнейших политзаключенных работников. Он служил в штабе генерала Шелашвили, командующего Южной группой демократических войск, и символом большевистской революции следил.

Завязалась тихая беседа. Мы не могли начинать совещания без тов. Игната — начальника дружин.

Время шло, а оно все не было. Я начинала все более и более беспокоиться. Но адрут посыпалась быстрые шаги, в комнату ворвалась бледная, изможденная таинственная Ольга. Она сказала нам, что по дороге за ней сидела автозаводческий Карлов. Иниэт не уверен, удалось ли ему замять скандал, лучше нам всем немедленно разойтись.

Контрразведчик Карлов успел нас проследить. Через несколько дней Борис Борисович, активнейший работник подпольного комитета комсомола, был схвачен на улице.

Три ареста Борисский был жестоко избит. В ту же ночь в его замыту ворвались трое офицеров. Они выволокли Борисского на улицу, где подождала его смерть.

Через несколько минут якшан остановился на пустынном, глухом перекрестье у мрачного здания городского морга.

Вспомнилось на звонок старшему сторожу палача приказу: «Принимай!» — и несколько раз вспыхнула Борисовому в голове. Оставшиеся обезумевшего от ужаса старика из изуродованного трупа, убийца сели в яких и умчались.

Подпольный резком выпустил специальную листовку, посыпанную зверстами белогвардейцев.

На заводах и фабриках насторожил прозывный протест против белогвардейского террора. Мы заем напряженную работу по организации рабочих для решительного удара по белому тму.

Но события нарастали с опшеломляющей быстротой. В ночь на 30 декабря 1920 года якшан взволнованно вспоминал о предстоящем взрыве, в которой происходило совершение подпольного комитета комсомола. Захватчики было 9 активающих работников комсомола, в том числе и Таня Преснякова...

Мы принимали все меры, чтобы спастись арестованных товарищей. С огромным трудом и с большими затратами наложена связь с арестованными. Наш подпольный Красный крест, помимо передачи арестованным пищи и всего необходимого, немедленно идет путей к подкупу подсобных организаций.

Наконец, наши организовали боевой отряд, который должен напасть на конвой и отбити арестованных при переводе их из контранзида в тюрьму.

Наконец, одна из плацдарей, на окраине города, стоит заброшенный трамвайный парк, а дальше, Давыдовичи уже не ходят трамваи по зарынчевшим и по заросшим травой рельсам.

Редкие прохожие тероптикли пробежать вту площа, на которой не раз уже находили трупы расстрелянных.

При приходе белых в город я и да слоны мертвые, то что родители будущего будущего изменили наше будущее с веною и яростью обидения. Каждую неделю в определенный час со смешанным чувством тревоги и радости и призрак в забытый полугармоничный павильон и встремляю в него моя мать. Завидев меня, она бросается ко мне настороже, и я долго целую ее мокром от слез лицо.

Я рассказываю матери, что работаю на Профобском заводе и мне живется неплохо, но по глазам ее видно, что она не очень-то верит моим рассказам, и плачет ее содрогаются от рыда-ний.

На прощание мать сует мне в руки сверток—кое-что из белы и провизии. Я наху, как раздача подступают к моему горлу, и огладившись, еще долго вижу на ее стечи павильона однокою фигуру матери...

В от ужаса пятый день тянется комедия настаси на Борисовом. Судья говорит о беспристрастии судьи. Всю ночь говорят о беспристрастии судьи. Таня Преснякова бросила в лицо плачущим плавмениевые слова борьбы и ненависти.

Заседание суда происходит при закрытых дверях, но сначала прощеса среди «чайной» бирюзы сидят юные легитимный офицер с чутко-чуть настасиальной улыбкой на склонной лице, и мы знаем до мелчайших подробностей все, что происходит в недоступном за-ле.

Приветом военно-полевого суда все 9 обвиняемых проговорены в смертной казни.

По имеющимся у нас сведениям, отправка осужденных в тюрьму предполагается сегодня в 10 часов.

С сегодняшнего дня спас 15 человек, вооруженных револьверами и бомбами, занял зараженные подотделы места в районе кладбища и пустыни Чумной горы.

И вот я сижу на изысканной старинной стене еврейского кладбища и внимательно вслушиваюсь в окружающую меня темноту. Мертвяки тишина царят над кладбищем в эту доходную зимнюю ночь. Тягуче полута минуты ондина-грави.

Двадцать минут шестого, я желанный сигнализирует все зет. О, сколько я перегулял в эту азиатскую ночь, сядя у дверей мотыльной панты на старом еврейском кладбище!

Но вот морозный предзимний воздух прошел, пронзительный снег, обозначавший, что можно расходиться. Чемпионъ боль произнесла сердце. Почему? В чем дело? Ведь у нас были точные сведения, что осужденные отправят в тюрьму именно сегодня.

Встал. Размыкая оземневшее и прородившее тепло, спрятал в удобном месте бомбы, быстро пересекнувшись через невисящую стену кладбища и направился к городу.

Только что нами получена потрясающая весть о расстреле всех осужденных товарищем. Это произошло ночью. Учебный зал, где собирались для проверки этого жуткого убийства. В самый последний момент белые отказалось от передела осужденных в тюрьму. Неважно, что послужило причиной этого решения: то ли белые побоялись нападения, то ли асы, что совершили свое подобное дело им удобнее будет в глухом подвале участка.

6 января 1920 года все осужденные были переведены в подвал. После того как первая и вторая смены нарастают отрывались совершил расстрел, подвал ворвалась панья бойца офицеров и началась кровавая расправа над девятью юными героями-комсомольцами, среди которых были 3 девушки.

Были по головам прикладами, кололи штыками, стараясь продлить мукины свои жертвы, и, вытирая все заряды, долго топтали ногами убийцами измученных.

Анна по утру, когда на полу лежали 9 обезображеных до неузнаваемости трупов, подуме убийцы скрьмлялись.

Ячувствовала, как поддается и растет во мне жгучая ненависть к подвалам плачам. Десятки раз перечитывала я маленький смуглый бумаги—прощальное письмо Таня Преснякова, написанное ею на холсте.

Славная товарищша писала в своем первом и последнем письме Таня... я умираю честно, как честно прожила свою маленьющую жизнь. Через 8 дней мне исполнится 20 лет, а почтить меня расстрелят. Мне же жаль, что я поизнан, жаль, что никою так мало сделано для ре-волюции.

Только теперь я себя чувствую настоящей революционеркой и партийной работницей. Как вела я себя при аресте и при приговоре, вам расскажут мои товарищи. Мне говорят, что я была молодом, братину и сестренку. Чувствуя себя сознательной не жалею о таком конце: ведь я и умру как честная коммунистка.

Мы все пригорюнились, дергались себе прилично и бодро.

Столпчи читали в последний раз газету. Уже на Бериславе и Переоке наступают наши, скоро вздохнут бессмертные Узды и начнется великая, изысканная работа. Илья, что не могу принять в ней участия. Ну, прощайте, дорогие, будите счастливы...

ТАНИЯ ПРЕСНИЯКОВА.

(Одесский испар. Дело о расстреле при Деникине 9 комсомольцах 6 января 1920 года.)

В сюда, куда ни бросишь взгляд: на столбах, на фасадах домов и воротах... блестят грязный призрак начальника гарнизона. Полосы твердых зашерпий в том что город надежно защищен воинской силой, бравый полковник обещает не потерять ни одного дома, не упустить телами пришибленных большевиков. В зачехление призрак обнадеживает, что «за цехах разгрузки города от множества учредений и организаций, таковые выводятся из города по указанию Штаба Добров. армии».

Мы читаем эти зашарпийные строчки и от души смеемся. Все знают, что вот уже несколко дней, как белые лихорадочно выакулютгород, и вопреки надеждам самозваного начальника гарнизона, призывающего «благодаряющие элементы населения к соблюдению спокойствия», панки начались именно среди белогвардейских «сладей» насилием, т. е. бруталези.

В ночь на 7 февраля 1920 года, по приказу вышедшего из подполья «Военно-революционного комитета» под руководством Петра Сорокина, в городе улицы по белому снегу. Во главе с бодроподобно отряда медленно и осторожно я проплывала кпереди вперед. Улицы грохочут и перекликаться бесчисленными выстремами.

Уже догоря горючий дым, когда мы после кровопролитных скандал вступили на главную улицу. Все реже и реже ссыльные выстремляются со стороны отступавших белогвардейцев. Потрепанные белые отряды скользят с кпорту для посадки на суда...

В этот день, когда белые, отстрелявшись, отходили в порт, мы понесли еще одну птицую потерю: в этот день погибли один из активнейших наших подпольщиков, неизвестный участник всех наших опасных предприятий, верхний сим ленинского комсомола Петя Сорокин. Погиб он трагически и немело.

В саммый разгар боев с отступавшими белогвардейцами ревкомом стало известно что громадный белый крест, установленный по зданию суда, взорван белыми. Белые бомбами они и взорвали, когда выстрелили из пушек. Тогда, грабя большой мануфактурный склад, на один из центральных улиц. Захватчики с собой несколько дружиинников, Петя помчался к месту грабежа, чтобы задержать мародеров и восстановить порядок.

Его встретили враждебными взорами и угрозами. Петя, как и подобает большевику, не растерялся. История все доводы, он заявлял, что в случае продолжения грабежа вымежлен будет взывать вооруженную силу. Тогда из толпы извергнувших бандитов издали беспорядочно выстрелили и стало полно чистого друга и товарища—Петя Сорокин, не стало в тот момент, когда захватчики наша борьба и в освобожденном городе яступала избавительница—Красная армия.

Много, много лет прошло с тех пор.

Руководимая жестью партии Ленин-Сталинская армия вскоре покорила рабочий класс, добилась громадных успехов в всех областях социалистического строительства. Но для того чтобы достичь этих успехов, пролетариату пришлось пройти через суровую громаду гражданской войны. Многие из наших лучших товарищ остались на этом тяжелом пути, сраженные в боях за социализм.

Революционная бдительность — всегда и везде!

Приговор в исполнение приговор Военной коллегии Верховного суда СССР над участниками троцкистско-зиновьевского террористического центра. Приговор в исполнение приговора всего советского народа. 16 главарей контрреволюционной бандитской шайки стерты с лица земли.

Бенефисы международного капитала — троцкисты и зиновьевцы — совершили убийства независимого Сергея Мироновича Кирова. Они подготовывали убийства лучших людей человечества: нашего вождя, отца и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина, первого маршала революции — руководителя Красной армии Клима Ворошилова, железногого наркома транспорта А. М. Кагановича, славнейшего руководителя социалистической индустрии Орджоникидзе, любиминых руководителей тружеников Уральских Коснора и Потышина, боевого руководителя ленинградских большевиков Жданова. Это чудовищное зодческое было до конца verkündet proletarischen gerichts.

Нет для гражданства нашей страны более ненавистных имен, чем имена Троцкого, Зиновьева, Каменева и всех их приспешников. В их омерзительном обличье — нахулиганская черта: лживость, цинизм, коварство, жестокая ненависть к народным массам, жестокость закоренелых убийц. До каких пределов доходили цинизм этих варваров, показал в своем блестящей речи государственный обвинитель — прокурор СССР А. Я. Вышинский. Он цитировал на суде отрывки из статьи, которую убийца нашего Кирова, трижды проявленный Зиновьев, напранивший руку Николаева, пытался напечатать в «Правде», чтобы замять следы преступления.

Отвратительное дурачества было возвращено в систему троцкистско-зиновьевской шайки в ее борьбе против партии.

Жизненная путь Троцкого, Зиновьева, Каменева — путь изнанок измени и предательства: работе педагога класса, дому социализма. Даже когда в рядах нашей партии, они активно боролись против победы социализма.

Каменев в начале февральской революции вместе с мучкой купцов приветствовал «претендента на русский престол» — брата Николая Кровавого — Михаила Романова. Через несколько месяцев вместе с Зиновьевым он выдал буржуазии план октябрьского вооруженного восстания, который был разработан Ленинским и Сталиным.

Троцкий, который задолго до революции начал борьбу против большевиков, в 1918 году, в Бресте, во время мирных переговоров с немцами, или всех си борома против директивы Ленина о заключении мира, стоял необходимости для нашей страны.

У троцкистов и зиновьевцев было когда-то «политическая платформа». Это было контрреволюционная программа, рассчитанная на поражение рабочего класса в борьбе за социализм и на реставрацию в нашей стране капитализма. Будь эта программа осуществлена, не было бы СССР, не было бы наших цветущих городов и сел. Были бы колонии иностранного капитала, были бы разгул кровавого фашизма и беспредельного угнетения рабочих и крестьян. Но у троцкистов и зиновьевцев ничего не вышло. Ничего не вышло несмотря на их отчаянные попытки расколоть партию, несмотря на подпольные типографии и антиобщественные демонстрации.

Рабочий класс и крестьянство, весь советский народ с негодованием отвергли контрреволюционную программу троцкистов и зиновьевцев, сочинившей ее в трех гнатах с заводов и фабрик.

Руководивший великим прородителем дела Ленина — товарищем Сталиным, партия очистила свои ряды от вредоносного троцкистско-зиновьевского элемента, мешавшего социалистическому строительству.

Непримиримая борьба со всеми врагами революции и их агентами внутри партии, вместе поднимая знамя большевистской идейности и бдительности, коммунистическая партия покола масс в бой за осуществление сталинской программы. Невзирая на трудности, на которых склонялись троцкисты и зиновьевцы, предодолев бешеное сопротивление классовых врагов, труженики масс, вдохновленные гениальным вождем Стalinым, добились победы. Советский союз превратился в могучую и цветущую страну. Метта лучших умов человечества — социализм — стала в нашей стране реальностью.

Троцкисты и зиновьевцы ни на минуту не прекращали борьбы про-

тив партии. Они двурушничали, халиясь в верности ленинизму и гадко втихомолку, собирая силы для будущего выступления. Но жизнь спроворела все их под烂е планы.

Обезумевшие в своей ялобе при виде успехов партии и всей страны, троцкисты и зиновьевцы катятся по отвесному склону преступлений и мерзостей все ниже и ниже. Не брезгуют ничем, они хваляются за последние: становятся на путь организации террора, на путь убийств, на путь кровавых уголовных преступлений. Они давно уже перестали быть политиками. Это закоренелые бандиты, ищащие уголовные преступники. Они воруют государственные деньги, пристреливают революционеры, предназначенные для выполнения заданий кровавого пса Троцкого. У этой сволочи нет ни души никакой идеи. Единственное, что об единстве членов этой бандитской шайки, — ненависть к социализму и ее вождям членам этой личной власти.

С этой целью, как полностью раскрыла процесс, они связываются с фашистской окраиной (гестапо), подготавливают и осуществляют злое дельце убийства Сергея Мироновича Кирова, готовят убийства товарища Сталина, Ворошилова, Кагановича, Косиора, Орджоникидзе, Постишева, Жданова.

Пролетарский суд до конца вскрыл гнилую картину подготовки убийства великим вождем коммунизма.

Суд вскрыл, что троцкистско-зиновьевские террористы выдвигали на случай войны лозунг парализации Советского союза. Фашистские псы перво служили своим хозяевам!

Враг коварен. Коварного врага щадить нельзя, — говорил, заканчивая свою речь, товарищ А. Я. Вышинский. — Весь народ поднялся на ноги при первом сообщении об этом кошмарном злодеянии. Весь народ трепещет и жегает. И я, как представитель государства, обвинения, присоединяю и свой возмущенный, методический голос государстваенного обвинителя к этому глухому мизантропию!

Советская молодежь, как и все граждане нашей родины, охвачена величайшим гневом к презренным изменникам и кровавым бандитам из троцкистско-зиновьевской шайки.

«Отбросы человечества, палачи, чьи руки обагрены горячей кровью Кирова, покушавшие на самое драгоценное, самое святое для нас — на вашу жизнь!», — так писали в дни процесса стаканщики и комсомольцы Московского электромонблата имени Куйбышева товарищу Сталину.

К товарищу Сталину, к отцу и другу всего труженича человечества, были обращены в эти дни мысли и чувства народа, чувства превидности, заботы и бесконечной любви. Обйтый плачевным гневом в фашистском злениикам, наш народ в эти дни еще глубже ощутил свою связь с партией, с ее великим вождем. Нет другого такого имени, которое произносилось бы с такой любовью, с такой нежностью, как Сталин.

«Товарищ Сталин! Клянемся вам еще лучше работать, еще лучше учиться! А если понадобится, товарищ Сталин — только кликните, — мы труду пойдем защищать вас, нашу партию, нашу родину!»

Вместе с молодежью тяжелой фабрики Третьягорской мануфактуры, написавшей это письмо товарищу Сталину, их племянница Клавдия втораяаждый из нас, каждый юноша и девушка Советской страны.

Вся страна приветствовала справедливый приговор суда.

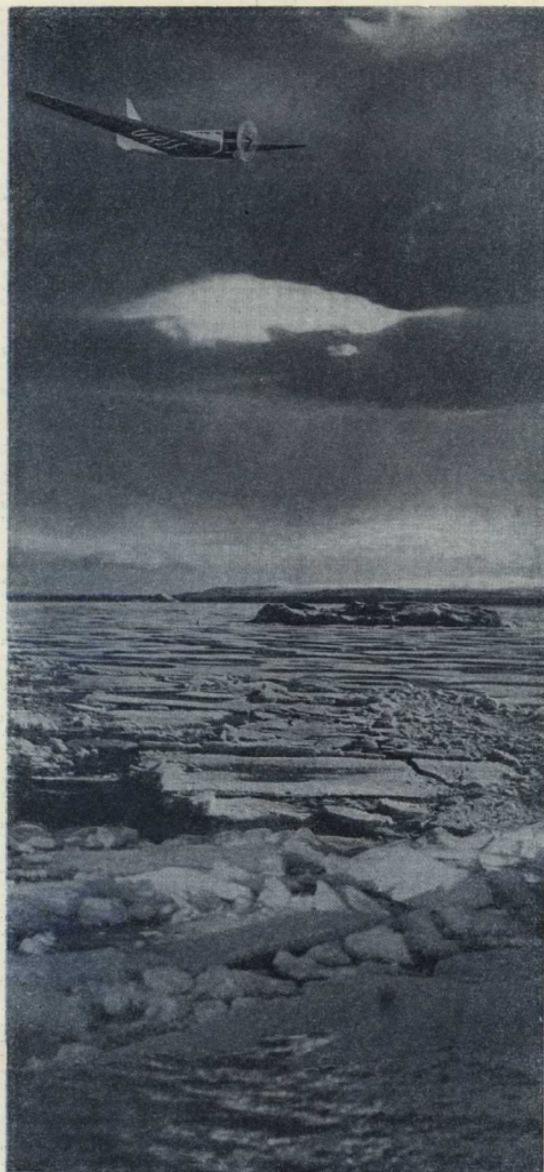
Гнилая троцкистско-зиновьевская шайка стерта с лица земли, но мы ли на минуту не должны забывать, что враг не сложил оружия.

Наша страна находится в капиталистическом окружении. Капиталистическое окружение — это не просто географическое понятие. Суд показал, как агенты Троцкого — главного вдохновителя и организатора гнилых преступлений — проникали в нашу страну, устраиваясь в наших учреждениях. Суд показал, как искусно маскировалась эта сволочь, умевшая произносить «вымлерничные» речи и носившая револьвер за пазухой.

Будем же бдительны на деле! Будем бдительны всегда и на любом участке!

Постоянная, неутасимая революционная бдительность — вот что требует от нас партия, вот что требуют от нас интересы родины, интересы социализма.

ТРОЕ

Проходит над островами
Красногорская птица.
Ей в грудь разрывая тучи,
Бьет ледяной синист.
Она летит над волнами,
А люди в Москве не спятся,
В Ташкенте хвалят газетный
Пахнущий краской лист.

На первой странице — трое...
У ног их, седой от злобы,
Огромный, докатый, хищный
Северный океан...
Маленький Игорь Чкалов
Берет голубой глобус
И пальцем проводит трассу
Над севером сквозь туман.

А трое летят над морями,
Полными сырой рыбы,
Над тучами белых чаек,
Усевших берега.
В пору зреющих персиков
Под ними холодной гамбой —
Арктика.
А за него,
в глухом безлюдье, —
тайга.

В пушнистый свитер одетый,
Брови слегка нахмуря,
Ведет командир
на посадку,
А ветры ревут и ревут.
В крае, в боях восходит,
У города на Амуре,
Бесстрашно спускается птица
На маленький остров Уда.

Звонко гудят стрекозы
Над Волгой и Енисеем,
Ветер сквозь рожь и клевер
Славу троим несет.
Июльские клоныются розы...
А за плечами — север,
А за плечами — ленты
Стелется их перелет.

Играют на солнце крылья...
Только чуть-чуть устанут. А скажут:
— готовься к полету! —
Не страшен любой маршрут!
Трое бесстрашные пилоты
Светлое небо —
Сталин —
В синее небо виншут
И над собой понесут.

Ю. ГРАЧЕВСКИЙ

Над Ледовитым океаном
Фотомонтаж И. Валентинова

ДАЛЬНИЕ ПЕРЕЛЕТЫ

Очерк Героя Советского союза МАВРИКИЯ СЛЕПНЕВА

Первый полет на продолжительность был проведен Сантоном Дьюком в 1907 году во Франции на самолете «Лагуэтт». Комиссия тогда кончила никаких не существовало, да и все пространство, которое пролетел самолет, можно было промерить шагами, так как самолет подвергался в воздухе всего-навсего 21 секунду.

С тех пор каждый год в разных странах на различные самолеты с разнообразными моторами люди старались пролететь по прямой воздушной линии.

Уже в эпоху авиации в одиннадцатом году, в то время, когда Фурии на самолете «Фарман» уже пролетели в воздухе 11 часов,

Империалистическая война надела вмбыда из колес установление и фиксацию мировых рекордов на дальность. Но эта же война способствовала чрезвычайному развитию авиации. История войны показывает всех стран, за исключением русской, выпустив значительное количество самолетов.

Советская власть не получила авиации от старого строя. Нам пришлось создавать ее заново.

Я помню большой митинг на московском аэродроме, когда общеизвестный писатель Аксаков, выступая на факультете для самолета из группы «Ультиматум», Все мы очень хорошо помним рисунок на спичечной коробке — куак, который заканчивается фюзеляжем самолета.

А потом мы начали создавать свою качественную сталь. Наш моторостроительные заводы должны дать различные варианты моторов.

Советская власть создала целые аэрокадры разнообразных самолетов из своего металла — колумб-доминика.

Все это завершилось созданием изящного, захватывающего дух полета (во французской линии сопровождения), пропорционального самолета «АНТ-25», на котором германская проклятая беспилотница, смехом людей прошла свой исторический перелет.

В 1927 году никому неведомый летчик первого американской линии Чарльз Линдберг, высокий, гудой блондин со скандинавским типом лица, пошел в перелет, теперь уже став-

ший историческим. На старой машине «Белякова» с мотором Райт, один, без механизма, он сделал то, о чем мечтали сотни пилотов: пересекли Атлантический океан из Нью-Йорка в Великобританию и обратно.

Что какой-то «сумасшедший» летчик перелетел на красном самолете через океан, — только тогда Европа начала беспокойство.

Линдберг прилетел в Париж уже к ночи. Сотни тысяч парижан, прорыв линии аканов (полицейских), ринулись на аэродром л., распахнули на машины самолет Чарльза, Шлем с головой, берет с краем, сидевший на кресле, — какого-то богатыря, которого долго величали под руки, осмысливая пристрастия и т. д.

Не знаю, каково было выражение лица этого журналиста, но, во всяком случае, он свое дело выполнял. В то время как его чествовала толпа, Чарльз увезся в гостиницу. На вопросы репортёров: «Что вы можете сказать?» — Линдберг ответил:

— Сейчас могу сказать только одно: хочу спать.

И завалился спать на 20 часов. У дверей стоял письменный, и вообще в гостинице никого не пускали. Правда, один из документов репортёров, поднявшись по водосточной трубе и залезнув в окно, внес в туалет Чарльза, — все-таки привнес кое-какие сведения радиации. Это дало ей возможность выпустить экстренный номер, в котором сообщалось: «Наш корреспондент видел лично Линдберга. Он спит на левом боку. Подробности завтра утром только в нашей газете».

После своего посещения Москвы Чарльз Линдберг во время поездки в Копенгаген был окружен в воздухе толпой количеством встречающих самолетов, что, видя полную невозможность сесть на землю в этом окружении, был принужден улететь обратно на 10 километров, в море, где сел и затем рухнул из воды.

Линдберг с большим удовольствием отметил, что в Советском Союзе при посещении музея, театра (мы с ним слушали «Евгения Онегина») он мог видеть как самый обиженный человек, которому доступны все обиженные радости жизни. Он даже выразил желание: если жить буду, посетить отдалку, то поедет только в Советский Союз, где люди живут просто, почтительно.

Известна всем трагедия, которая разразилась над головами супругов Линдбергов. Трагедия,

Сталинский маршрут беспосадочного перелета Чкалов, Байдукова и Белякова.

Париж и сел на аэродром Аль-Бурже, проделав маршрут 5800 километров. Этот молодой пилот тренировался на самолете итальянской конструкции «Баллада». Маршрут перелета пришлось выбираться по измененному состоянию, так как самолет не поднимался выше 300 метров.

О своем перелете через океан Линдберг опасается только родную матерь.

Никаких проводов на Боннифильском аэродроме, под Нью-Йорком, не было.

Полет был произведен, как говорят в авиации, «автоматом».

Только тогда, когда машина была уже над Англией, когда по всему миру разнеслась весть,

Александр Беляков.

Валерий Чкалов.

Георгий Байдуков.

которая окончилась убийством ребенка этой дружной супружеской пары. Альберт выпущены были покинуть свою родную страну и переселиться на постоянное местожительство в Англию.

Так окончился этот исключительный перелет — первый перелет человека через синий.

В 1931 году Бордман и Поллайдо совершили перелет из Нью-Йорка в Стамбул на самолете «Фэлкон» с мотором Райк, который имел скорость 250 километров в час. Альберт пригласил побывать генерал-американца небольшой черноватой французской Рокки и Кодес, также бывшими гостями нашего московского аэропорта.

Росси и Кодес на самолете «Блюрей» перелетели из Нью-Йорка в Райк (Сирия). Они пересекли и Атлантический океан и Африку.

Самолеты «Фэлкон» и «Блюрей» были первыми личностями вышла новая славная страна, построившая свою изумрудную экономику — Союз советских социалистических республик. Герой Союза, тогда еще заслуженный летчик и одиночник, М. М. Громов, на самолете «РД», летая по кривой, покорил расстояние в 12 411 километров. Тогда Громов летал по кривой по многоугольнику над средними степами и степеподобными землями Советского союза.

Многое было сделано в последние перелеты за эти годы. Но сколько всего людей нашей страной стремились на Север.

Чухновский и Багбунин опередили пропавшего викинга диджаба Нобиля.

Краснинский на самолете «Советский север» планировал пролететь маршрутом Ваддингтон — Уэллем — Арагантель, но потерпел крушение в Атлантической губе, где самолет был подбит итальянцами.

Я с Галлиполи и Фарук в 1929—1930 годах долол морозами на головах берегов Чукотки при разске американских летчиков: полковника Эйблсона и лейтенанта Баддена. Нам не удалось спасти этих людей. Они погибли при аварии.

Наша местечко трухи ее россыпь увеличилось, теперь это 140 кадетов из сына Шимита, раньше называвшиеся маском Северным, мы нашли два трупа, которые были нами отвезены в Соединенные штаты.

Вскоре Чукотка стала символической изумительной настойчивостью советских людей, которые целой стаей налегли на нее с различными сторон: и с моря, и с Хабаровска, и с Амуря, разыскивая «альдунно-холодную». Шимит, вспоминая о своем побеге из судна «Надежда», Багбунин взвешивал возможные летательные операции еще раз поднято на некою чистую высоту престия Советского союза.

Когда я приближалась с болезнью Шимитом к Ному, губернатор распорядился, чтобы об этом признать всем, всем, чтобы приблизил к телефонной станции включить всех абонентов и лично всем сказать о том, что машины из агентов Шимита идет к городе.

Я помню любопытный рассказ прокурора. На тот момент мы приближались к Ному, шел суд. Поповский и суд, сообщили, что машину из агентов не подадут. Суд Сибири, как и поддается всякому суду: подадим, заменим, заседатель, судья и т. д. Попучин извещение, судья сложил дело и сказал:

— Знаете, чорт с ним, завтра досудим. Пойдемте все встречать машину.

И в полном составе суд — вместе с арестованниками и охраной — прибыла на встречу советского самолета...

И вот сегодня мы с величайшей гордостью, с большой сердечной любовью, застороженно дышим, получив известие с борта «АНТ-25». Мотор на машине, созданной рабочими нашей страны, вертился прекрасно, как говорят у нас — «альдунно» и подводят. Альберт спросил, что это? Альберт всегда называют со склонкой: «Альберт». Альберт всегда спрашивает, что камень? Они с громадным воеваем напряженiem работали беспрерывно трех суток, пролетели за это время и развили Северного края, и бурное Баренцево море, и Альбадеского Полярного моря, и малоземельные пространства Таймырского полуострова; они бы-

ли над теми краями, где людям и до сих пор меньше чем олени; они пересекли громадную Якутскую республику, над всеми землями; они пролетели Камчатку, о которой штурманы сообщили: «Под нами гора торчит из океана»; и они пролетели чуть над страшными грядами севера моря. Океан моря, где на них калутый, все время находящийся на курсу Дальний Восток — тот Дальний Восток, на границах которого стоят наши доблестные герой-пограничники и охраняют нашу спокойную жизнь.

Вот от этого перелета на дальность я и хочу сказать несколько слов.

Валерия Павловича Чкалова, командира и пилота краснокрылого лакированного самолета «АНТ-25», товарищи зовут Валерий. С самолетом подобраными губами, юной, смелой, смелой человеком, он прошел большой авиационный и жизненный путь.

Много времени, когда Чкалов был четырехлетним.

Этот человек летал под Троицким мостом в Ленинграде, пролетевший какие-то ему одному понятные, как он говорил, «чудесные эксперименты». Затем мы с Валерием Павловичем мечтали, чтобы мы с вами пролетали подводами, на грузовых автомобилях королевы Ассоциированные Валентин и Голода, крестьяне Амазонии и Экваториума. День и ночь работал борьба, но очередь не пропрещается ни на минуту. Бюро принимает только здоровых, крепких, вальдевинских оружением людей. Ни добровольцы со временем не пропрещаются с этим.

— Вам нет дела до моряков! — возмущено говорит старый крестьянин в Сен-Рафаэль. — У меня фантики убили двух сыновей, и я должен им отомстить. Дайте мне оружие!

У стола регистратора — мальчишку лет 13—14.

— Мальчишкам мы не пропрещаем. Иди домой. Я умею владеть винтовкой.

Ему отказывают. Западинский и воинственный, он уходит на улицу с твердым намерением тайком пробраться на фронт.

Лиценции. Их много. Они смело конкурируют с мужчинаами в готовности кровью защищать свою родину. Их не пропрещают. Им предлагаются или в санитарные отряды, или волонтеры. Волонтерами не годятся, потому что предложение отвергнуто.

— Мы хотим сражаться!

Правительство народного фронта, которое думает об интересах будущего Испании, установило строгие порядки для приема добровольцев. Запрещено принимать, например, молодежь до 16 лет. Но что поделаешь с кроткими младенцами?

Когда на фронт отправляется очередной подразделение с добровольцами, в вагонах наложены многочисленные «зайчики» — ребят, которые тайком пронесли туда, чтобы сражаться в рядах рабочей милиции. Однажды офицер, командующий рабочей милицией, выставил у входа на вокзал женщин, чтобы не допускать ребят к ашанулю. Заявление, форменная схватка между часовым и мальчишками.

— Пустите нас на фронт! — кричали ребята. И хотя офицер был неумолим, а часовые строго оглядывали проходящих, в вагонах все же оказывалась сотня мальчишек. Офицер только маянул рукой и ушел в свой вагон.

— Ну что я с ними поделаю? — сказал он. — С таким противником не справится никакая армия...

ИСПАНИЯ В ОГНЕ

Очерк дм. ЛЕБЕДЕВА

ПУСТИТЕ НАС НА ФРОНТ!

Французский писатель Пол Низан одним из первых приехал в Испанию после того, как в стране вспыхнула вооруженная антифашистская мятеж. Следующим прибыл комитет Вилья Кутюрье. Оба они рассказывают только правду, и эта правда настолько бескорыстна, что даже реакционные агенты вынуждены признать ее...

Виро по приему в рабочую милицию Мадрида, на 50 тысяч рабочих прошли через это место. Не только рабочие, но и инженеры, пролетариат: сюда прибывают пешими, на велосипедах, подводках, на грузовых автомобилях королевы Ассоциированные Валентин и Голода, крестьяне Амазонии и Экваториума. День и ночь работают борьба, но очередь не пропрещается ни на минуту. Бюро принимает только здоровых, крепких, вальдевинских оружением людей. Ни добровольцы со временем не пропрещаются с этим.

— Вам нет дела до моряков! — возмущено говорит старый крестьянин в Сен-Рафаэль. — У меня фантики убили двух сыновей, и я должен им отомстить. Дайте мне оружие!

У стола регистратора — мальчишку лет 13—14.

— Мальчишкам мы не пропрещаем. Иди домой. Я умею владеть винтовкой.

Ему отказывают. Западинский и воинственный, он уходит на улицу с твердым намерением тайком пробраться на фронт.

Лиценции. Их много. Они смело конкурируют с мужчинаами в готовности кровью защищать свою родину. Их не пропрещают. Им предлагаются или в санитарные отряды, или волонтеры. Волонтерами не годятся, потому что предложение отвергнуто.

— Мы хотим сражаться!

Правительство народного фронта, которое думает об интересах будущего Испании, установило строгие порядки для приема добровольцев. Запрещено принимать, например, молодежь до 16 лет. Но что поделаешь с кроткими младенцами?

Когда на фронт отправляется очередной подразделение с добровольцами, в вагонах наложены многочисленные «зайчики» — ребят, которые тайком пронесли туда, чтобы сражаться в рядах рабочей милиции. Однажды офицер, командующий рабочей милицией, выставил у входа на вокзал женщин, чтобы не допускать ребят к ашанулю. Заявление, форменная схватка между часовым и мальчишками.

— Пустите нас на фронт! — кричали ребята. И хотя офицер был неумолим, а часовые строго оглядывали проходящих, в вагонах все же оказывалась сотня мальчишек. Офицер только маянул рукой и ушел в свой вагон.

— Ну что я с ними поделаю? — сказал он. — С таким противником не справится никакая армия...

ОРУЖИЕ БЕССТРАШНЫХ

Офицеры «Хамса I», испанского броненосца, хотели передать порталь антифашистам. Матросы арестовали офицеров. Кто-то придумал, что если плох. Но корабль, управляемый матросами и унтер-офицерами, сохранил прекрасную дисциплину, и матросам приходится тут от его методов артиллерии.

Ладожа, борбина велия, но народ не веде может помочь обеспечить safety of their own. Терпят. И вот пущены в ход все спортивные организации, которые можно достать на месте. Всякое оружие пригодно, когда нужно защищать свободу.

Толедо славится своим хладным оружием

Кинески земеделических шпаг завоевали славу еще в средние века. И рабочие Толедо идут в бой, вооруженные рыцарскими шпагами. В этом есть своя символика: ведь рыцарство и благородство свойственны сейчас именно рабочему классу Испании, а не ее фашистскому образу.

Рабочие Астурии, герой которых — рабочий, борец 1936 года, — вспоминают подземный старый виноград, спрятанный туда после подавления восстания. Эти винограды не блещут изюминкой, но зато сколько фашистских черепов узаны! силу их метким боям!

Крестьяне Валенсии и салонов Гадаррамы идут в бой со скотом на плечах. Некоторые из них — сна такого скота на любой заряд, дроби, пулеметы, вспыхивающие бомбами из патронов. Некоторые из них — сна сабелью, сабелью, лишил ее не только «достоинства», но чисто и жизни.

Рабочие Малаги отбили фашистов изображены в торшами. И не только отбили: обращали в беспредел, в гражданской войне нацистов. Очевидно, в гражданской войне нацистов оружие нужно принимать с поправкой на человеческую природу.

В боях у Кордовы на помощь рабочих милиции прислали пастухов. У пастухов не было оружия. У них были пряди — оружие десмонтисты, которым сражались легендарные боевые. Но вместо камней пасли плюшевые куклы. И они выиграли. И флаги сразу почтительно поклонились им. На склонах горы совершили богослужение со склонов Сиера-Невады.

У всех фашистов расстреляли 20 молодых рабочих, захваченных в плен: от них требовали показаний. Они молчали. Их сказали, что если они будут прощены, то они, молчали, скроются в горах. Их не прощали. Ни слова не сказывалось о месте. Они удалялись, когда пытки были уже направлены на них и офицер готовился отдать коменду, они воскликнули все сразу:

Да здравствует свобода! Смерть фашизму!

Корреспондент реакционной французской газеты, присутствовавший при этом сцене, замечает:

Они умерли, как герои.

— Они все такие, — мрачно сказала фашистский офицер, командавший расстрелом.

НАРОД ПРОТИВ ВАРВАРСТВА

В борьбе против фашистского варварства участвует весь испанский народ. Никогда еще в Испании не было такого грандиозного общественного подъема.

В боях под Сарагосой участвуют целыми батальонами, состоящий из адвокатов, учителей и журналистов. Среди них есть поэты и писатели. Французская журналистка Альдо Виолине рассказывает о своей встрече на фронте с молодым поэтом Хуан Чабас. Он показал ей книгу своих стихов, еще пахнущую типографией боями.

— Она только вчера пишется, — заметила он. — Я успел забросить в типографию, чтобы принести ее сюда, на фронт.

Летчики капитан Бенито убили фашистов, которые предложили им стать на сторону фашистов. Под покровом ночи он удалялся на утлом суденном с острова Майорка в Испанию. Сейчас он с энтузиазмом обстреливает расположение мятежников в Пальме, где находится его семья, захваченная фашистами в первом.

Иностранные корреспонденты рассказывают о героях крестьян Старой Испании, где со времен недавних фашистов никому больше вспоминать. У прохожих раскрылся языка: они увидели, что можно им макать даже в только народный фронт, а не фашистам.

По ночам крестьяне выставляют дозоры на дорогах и горных тропинках. Зверояры ушли на фронт. Оставшиеся сидят у ручьев, насыпают обрывы, выкапывают ложного прохода, насыпают, кто преодолевает автомобилей. Они поднимают скрытый дух (это стало национальным приветствием).

О лучших своих бойцах они говорят: «Чапаев».

Так немецкое «Рот фронт» и русское «Чапаев» стали родными символами испанского народа.

УБИЙЦЫ

В Ла-Линеа, порту, занятом мятежниками, строек торжества сказала корреспонденту правой английской газеты:

— Если так будет продолжаться дальше,

насенных скоро не будет. Каждое утро отряд насенных выводят на расстрел.

Генерал Мола, командующий матежниками си-зами в Северной Испании, отдал приказ: плен-ные не брати. Матежники расстреливают плен-ных на месте.

В «стране прослаты девы», как католики называют Испанию, погибли главнокомандующий и главнокомандующий армии, деревни они прежде всего идут в погон. Поп удаляет «подозрительных». Их расстреливают на глазах у населения. Если «подозрительных» слишком много, тогда скигают всю деревню.

Фашисты усвоили такое правило: прежде всего обстреливать госпитали и санитарные части. На фурмах у испанских санитаров — большая кровь. Это Эль Фурмано, хоронят санитаров с овощами. «Фашисты» бомбят деревни прежде всего целятся по этим фурмам. Когда же фашисты появляются в плене пасиене, они их убивают. В одном из районов Наварри в расположении частей Мола упал правительственный самолет. Летчики были ранены. Фашисты взятали раненых из под обломков санитаров.

Сардиния пытаются расстреливать за то, что они слушают правительственные радиостанции. И здесь помогают попы: они сами и с помощью попов призывают передачу правительственных радиостанций, и передавали их плачам.

Впрочем, попы хорошо чувствуют ненависть, которую питают к нему испанский народ. Большшинство их бежало к мятежникам.

Не даром в Испании сейчас говорят:

— Долой попов и фашистов!

В Кордове и Гранаде, где много исторических памятников, фашисты проходят правительственные обстреливания, чтобы сокрушить память великих. Но саны они проекции замок Альгамбры превратили в конюшни.

В это же время в Мадриде, во дворце герцога Альбы, который компартия получила для своего комитета, вооруженные коммунисты бешено выносили картины Веласкеса, чтобы не повредить их и сохранить потомству...

Проводы бойцов, сдавших на штурм Сарагосы, занятой мятежниками.

Капельдудка

Рисунки Д. Красильникова

Звали его по-разному. Паспорт атtestовал маленького, подвижного человечка водопроводчиком Андреем Савеловым.

Профессор Горностаев, у которого водопроводчик брал уроки музыки, называл ученика «смокштром», то «тетеревом», то Андреем— в зависимости от настроения.

А приятеля окрестных Савеловых обидно и коротко: «капельдудка»—вероятно, в честь большой, медной трубы, с которой он расставался только во сне.

Он умел играть решительно на всех инструментах: гитаре, цитре, охотничьем рожке, геликоне, фисгармонии, флейте, цимбалах, барабанах, на кадиле, барабане, контрабасе, баяне, скрипке, бутылках, гребнях, бочках, пластинах... Даже предметы совсем не музикальные в руках Савелова оказывались способными воспроизводить мелодии.

На что быдлер харчеваний охрой забор, но тот разрывалась трещинами артиллерией, сдав к дереву прикасалась быстрые капельдудкины руки.

Он любил также петь. Но голос его, застуженный в поездках, сожженный волной, звучал тусклым. Может быть, именно поэтому «капельдудка» из всех инструментов выбирал трубу. Звонкая и сильная, никогда не знающая ни усталости, ни хрипоты, она была достойным заместителем человеческого горла.

По вечерам, налево трубы через плечо, «капельдудка» ходил в Горностаеву на уроки. Говоря по совести, профессору не было ученика более беззабвенного и более способного, чем этот гипнозубый маленький человечек.

Первое время Горностаев встречал «капельдудку» с великим отвращением. Позже, когда на аттестат, профессор был почтен и брезглив. Он терпеть не мог блазфемную церковь ученика: его шоколавий коссоворотка, усыпанная от плача до горла бисером пуговиц, франтоватые сапоги с ремешками, выбитого по дурацкой моде затмавка и особенно траурных ногтей.

На первом же уроке Горностаев гробировал скрипку:

— Ну, знаете, друг мой... Если выпадет, так спите пектус... И потом ногти... С таким костылем я вас к Шуберту не подпущу.

Когда они встретились снова, профессор изумленно замялся: ногти ученика были не только вычищены, но и раскрашены огненными лаками.

«Капельдудка» никогда не приходил повремя. Больше того, не предупредив профессора, он попадал иногда месяцами. После таких перерывов он являлся обрюзгший и серый.

точно человечек, долгое время пролежавший в болнице.

— Командировка! — говорил он, освобождаясь от панто мистрическими движени- ями.— Одичал я на севере, Алексей Эдуардович... Воды нет, людей тоже... Пальцы дубо- вые ставаны...

В таких случаях профессор входил в свой кабинет и демонстративно заключал дверь. В коммюниконы он верил мало.

Горностаев был упрям. «Капельдудка» бес- пременен. Он отворял дверь, заседал в кресле и говорил застуженным темпором:

— Паскудная у меня специальность, Алексей Эдуардович, не верите? Ей богу, сяди... теперь как часы будешь ходить.

— Ну, знаете! — хрчала, багровясь, профес- сор.— Вы не ученик... Вы братия! Бирюки ѿркы у ѿенских шарманчиков... Март! Не пускайте больше Савелова!

Впрочем, и толстая этюма Марта и сам профессор знал, что дверь перед «капельдуд- ком» откроется. Можно было не любить ученика за вульгарную речь, за привычку тушить очику о лопухи ролях, за дурацкий портсигар с голой русалкой на крыше, но таланта оспорить было нельзя.

— Едил я в Мурманск, — замечал «капель- дудка» лениво,— там в морском клубе разучи- вали наш «Океан»... Окрест человек на во- семидесяти... Дирижер из военных... толково... — Едил я в Мурманск, — замечал «капель- дудка» лениво,— там в морском клубе разучи- вали наш «Океан»... Окрест человек на во- семидесяти... Дирижер из военных... толково...

— Audiatur et altera rega! — говорил он отрывисто,— что вы замочили? Ну, расска- зывайте... Вам, монстр!

Не проездил и полчаса, как ясный, гордый голос трубы раздавался по эжамам. Были у этого различинного, потрясенного че- ловечка и вкус, и темперамент, и страсть. И когда в особяне, разбуженным трубой, властивого неистового Вагтера, «бродила» и «монстр» невольно превращались в Андрюшу.

Однажды профессор сидел опоздав на урок. Когда он тихо открыл парадную дверь и во-

шел в коридор, его непрятно поразили звонь дребезжание и треск. Сначала Горностаеву показалось, что половины передвигают буфет с посудой, затем он уловил в этих странных звуках некоторую систему. Профессор заглянул в столовую...

На столе, задыхаясь от смеха, сидела толстая Марта. «Капельдудка» давал концерт. Ворованный думы дирижерские палочки, хрохотлив и неистовый, он посыпал по комнате, и все, к кому прикасалась его быстрые руки, здрут начиная петь, звенеть и гудеть. Предметы, мачинавшие со дня своего рождения, про- деле книжного шкафа, блюста Данте или камни- ные цинники, теперь переговаривались между собой.

Впервые в своей жизни профессор узнал, что матовый колыль иллюстрирует как дайвиль колокол, что подсолнечник патетичен, а хру- стальный графин обладает цыганским конт- рактом.

— Да-сол! Да-сол! — глухо говорил книж- ный шкаф, забитый винилопленками.

— Соль-фа-ре, — отчаянно котуствовали ра- диаторы, рюмки вторили им называемыми ко- маринными голосами.

Горностаев не сразу понял, что «капельдудка» пытается воспроизвести татарскую музыку «Гибель богов». Догадавшись, он остолбенел. Это было кощунство. И профессор, забыв в комнатах, с резостью, не свойственной пятнадцатилетнему человечку, вырвал из рук «капельдудку» дирижерские палочки, точно это было оружие, угрожавшее Вагтеру.

— Пид! — зарычал он стариковским фаль- четом. — Как ты смеешь?

Он готов был разломить палочки о голову неудачливого антурова, и «капельдудка», близу и скорее тактик, чем стратег, не нашел ничего лучшего, как схватить трубу и ретро- ваться на улицу.

И все-таки они не расстались. Даже в этом разудалом конце чувствовалась темперамент и отличный слух. Горностаев простой «капель- дудке» кощунство.

Это была странная пара: поклон, бри- голомый профессор, почитатель мюллеровской гимнастики, Гамсуза, Грига, и самоуверенный полугромкотный человечек, не одевавший за всю свою жизнь и десятка книг.

¹ Да будет висуальная и другая сторона.

Шел третий год занятий, и Алексей Эдуардович стал принимать к своему беззабытому ученику. Иногда, после уроков, он даже бедолагам на темы, не относящиеся к музыке.

Профессор вспоминал шведский городок Кальмар, где он привнес свою детство, обитый плюшевым «дном моря», ручниками в парусе у моря или особняком, не сминаяние черепичных колоколов по четырем стоям.

«Капельдудка» рассказывал преимущественно о Москве. Он родился в Марийской роще, помнил Хитров рынок, испеченный в 1924 году, пересушенную Трубной и другие места, о которых профессор едва-едва знал из памятников. «Капельдудка» приносил когда-то чинить крыши в угрозимые. Там-то он и узнал столько занимательных историй, что ему позавидовал сам Глиэрский¹.

С рядом знанием дела «капельдудка» расказывал о «физике», вскрывавших несгораемые шкафы, как коробки консервов, или о термоэлементах, заменявших кое-где сторожей.

Но говорил «капельдудка» только самого главного: что сам он тоже был вором, и как утверждал работники МУР, вором незаурядным. Странно проиграв свое Савелю полужизнь не стало за страсть к музыке, сколько за кражу полного комплекта духовых инструментов.

Свой первый визит к профессору «капельдудка» начал по всему звуциальному собранию. Не Багнер, не Шуберт и не Бетховен, а столовый сервис и корыковая шуба профессора волновали предпринимчивого ученика.

Нет сомнений, что газетная хроника склонялась бы к нему, небольшим происшествиям, но Горностаев неожиданно спасла два обстоятельства. Во-первых, скансельдудка² после пары уроков, действительно, почувствовал к музыке интерес, а, во-вторых, профессор сообщила ученику небольшой домашний секрет:

— Я возвращаюсь в четверг! — сказал Горностаев, — но если ни меня, ни Марти не будет, начните жайтесь вот здесь...

И он доверчиво показал ученику луночку подле крьмавца.

¹ Старый репортёр, знаток Москвы.

Эта детская хитрость совсем опшеломила «капельдудку». Впервые в жизни и его многоизменные руки, умевшие открывать любые замки, были переданы напрямой и жаждой хищнички. Одно дело — преодолеть сопротивление замков или отобрать квартиру, где на дверях десяток звонков; другое — отбояться седоголового, доворчливого простака. «Капельдудка» был даже слегка раздосадован таким неожиданным оборотом дела.

И любознательность он воспользовалась любознательностью Горностаева. Выбрал подходящий вечер, «капельдудка» наведался в пустую профессорскую квартиру, долго бродил по комнатах, пересчитывая ложки и тарелки, шупал сиюмини, шубу, пижамы и юбочки тем, что, вздохнув, сел разепинывать поты.

Когда Горностаев вернулся в квартиру, он увидел ученика сидящим в кресле и со скучающим видом разглядывающим поты.

— Вам могут очистить! — сказал он небрежно.

— Выбросьте эту дрянь! Я вам поставил настоящий цугцванг³ замок.

«Капельдудка» не знало что сам Франтоватая фигура его так привлекала к работе.

Работникам угрозиска, что «музыкант» показывался только по вечерам, он смешал масловороту на кавказки с газировкой, зашел вместо фуражки-шапочки кубанки и отпустил даже усы... Все чаще ему приходилось обяснять профессору пропуск уроков всяческими срочными делами по водопроводной части.

Прошло лето. Горностаев настойчиво готовил ученика к экзаменам в консерваторию. Он требовал, чтобы Савелю обязательно приходил через день, и страшно негодовал, когда «капельдудка» опаздывал, ссылаясь на ремонт мастихин.

В неизвестности водопроводных работ профессор не верил. Однажды, после бурного обсуждения, Горностаев с обычной решительностью спросил «капельдудку»:

— Вы, монстр... Скажите, наконец... Пьянствуете вы или чините эту... свою магистрату?

— Бывает, — ответил «капельдудка» уклончиво.

В это неизвестности водопроводных работ профессор не верил. Однажды, после бурного обсуждения, Горностаев с обычной решительностью спросил «капельдудку»:

— Вы, монстр... Скажите, наконец... Пьянствуете вы или чините эту... свою магистрату?

— Бывает, — ответил «капельдудка» уклончиво.

В это неизвестности водопроводных работ профессор не верил. Однажды, после бурного обсуждения, Горностаев с обычной решительностью спросил «капельдудку»:

— Вы, монстр... Скажите, наконец... Пьянствуете вы или чините эту... свою магистрату?

— Бывает, — ответил «капельдудка» уклончиво.

В это неизвестности водопроводных работ профессор не верил. Однажды, после бурного обсуждения, Горностаев с обычной решительностью спросил «капельдудку»:

— Вы, монстр... Скажите, наконец... Пьянствуете вы или чините эту... свою магистрату?

— Бывает, — ответил «капельдудка» уклончиво.

В это неизвестности водопроводных работ профессор не верил. Однажды, после бурного обсуждения, Горностаев с обычной решительностью спросил «капельдудку»:

— Вы, монстр... Скажите, наконец... Пьянствуете вы или чините эту... свою магистрату?

— Бывает, — ответил «капельдудка» уклончиво.

В это неизвестности водопроводных работ профессор не верил. Однажды, после бурного обсуждения, Горностаев с обычной решительностью спросил «капельдудку»:

— Вы, монстр... Скажите, наконец... Пьянствуете вы или чините эту... свою магистрату?

— Бывает, — ответил «капельдудка» уклончиво.

В это неизвестности водопроводных работ профессор не верил. Однажды, после бурного обсуждения, Горностаев с обычной решительностью спросил «капельдудку»:

— Вы, монстр... Скажите, наконец... Пьянствуете вы или чините эту... свою магистрату?

— Бывает, — ответил «капельдудка» уклончиво.

В это неизвестности водопроводных работ профессор не верил. Однажды, после бурного обсуждения, Горностаев с обычной решительностью спросил «капельдудку»:

— Вы, монстр... Скажите, наконец... Пьянствуете вы или чините эту... свою магистрату?

— Бывает, — ответил «капельдудка» уклончиво.

В это неизвестности водопроводных работ профессор не верил. Однажды, после бурного обсуждения, Горностаев с обычной решительностью спросил «капельдудку»:

— Вы, монстр... Скажите, наконец... Пьянствуете вы или чините эту... свою магистрату?

— Бывает, — ответил «капельдудка» уклончиво.

В это неизвестности водопроводных работ профессор не верил. Однажды, после бурного обсуждения, Горностаев с обычной решительностью спросил «капельдудку»:

— Вы, монстр... Скажите, наконец... Пьянствуете вы или чините эту... свою магистрату?

— Бывает, — ответил «капельдудка» уклончиво.

В это неизвестности водопроводных работ профессор не верил. Однажды, после бурного обсуждения, Горностаев с обычной решительностью спросил «капельдудку»:

— Вы, монстр... Скажите, наконец... Пьянствуете вы или чините эту... свою магистрату?

— Бывает, — ответил «капельдудка» уклончиво.

В это неизвестности водопроводных работ профессор не верил. Однажды, после бурного обсуждения, Горностаев с обычной решительностью спросил «капельдудку»:

— Вы, монстр... Скажите, наконец... Пьянствуете вы или чините эту... свою магистрату?

— Бывает, — ответил «капельдудка» уклончиво.

В это неизвестности водопроводных работ профессор не верил. Однажды, после бурного обсуждения, Горностаев с обычной решительностью спросил «капельдудку»:

— Вы, монстр... Скажите, наконец... Пьянствуете вы или чините эту... свою магистрату?

— Бывает, — ответил «капельдудка» уклончиво.

В это неизвестности водопроводных работ профессор не верил. Однажды, после бурного обсуждения, Горностаев с обычной решительностью спросил «капельдудку»:

— Вы, монстр... Скажите, наконец... Пьянствуете вы или чините эту... свою магистрату?

— Бывает, — ответил «капельдудка» уклончиво.

— Где ваш треугольник? —
«Капельдудка» опеши.

— Я спрашиваю, где директор? На Площади? —
Довольно! Я напишу ему письмо! Пусть не трогает вас по вечерам.
— Не выйдет! — сказала «капельдудка» со-
чувственно, — наш заведующий в отпуске...
Учите его...

Они сели и развернули поты. Профессор испытывало загляну на Савелова.

— Нет, — сказал Горностаев решительно, —
Вы смотрите. Я пойду вместе с вами... После
урока... Я посмотрю, какой вы заняты маги-
стрию.

В этот вечер разыгрывали шубертовский
«Марш милитаря».

Ученик перепихал, фальшивым, поглядывал на дверь. Он явно спешил побыть на улице. Когда, наконец, урок был окончен и «капельдудка» стал надевать пальто, в дверь постучали. Держа руки в карманах, вошли двое очень корректных работников уголовного розыска.

Объяснение было так неожиданно и коротко, а «капельдудка» так молчалив, что профессор сначала ничего не понял.

— Чепура какая-то! — сказал он растерянно. — Ведь вы же водопроводчики?

«Капельдудка» молча уложил трубу в чехол и поклонился с видом человека, пораженного неожиданным оборотом дела.

— Я могу взять вас на поруки...

— Не стоит, Алексей Эдуардович...

Это полуизвинение совсем сбило с толка учитея.

— Что же это вы? (он развел руками). Значит вы действительно из этих... экспер-опри-аторов, что ли?

— Просто городушник⁴, — подсказал инспектор угрозиска, любивший во всем точность.

Они вышли на лестницу. Обычная развязность вернулась к «капельдудке». Он засмеялся и протянул Горностаеву руку:

— Поза... Алексей Эдуардович...

Вместо ответа Горностаев повернулся на набалдачинах.

— Спасибо! — сказал «капельдудка» с обией. — Эх, чистый вы человек... Небось, руки харбовой мыть будете...

Когда профессор вернулся в комнату, Марта стояла возле буфета с удивленным и счастливым лицом:

— Целуй! — воскликнула она, показывая на лопатки.

— Не говорите глупости! — ответил профессор с досадой. — Савелов... не вор. Он был этим... как его? простым городушником...

С этого дня «капельдудка» забыл о трубе. Он был зарегистрирован в восемнадцатый раз и выслан на Медвеевку горю, в Карелию. Вместе с другим ворами, пиноманами, кулачками и представителями он жил в лесу, усыпанном лединками азулами, как каменным градом.

Три прямых просеки через танк лескали здесь почти параллельно. По одной, усыпанной щебнем и зеленым песком, засыпал машинами, вдоль другой поднимались на север крутые ступени повинческих шалозов, третья просека была устланной; черные полусунгниевые пни насыпали засыпать смычниками. Этой просекой в по-
запрошлом столетии Петр I прошел в тун-
дру для фрегата.

Первые месцы «капельдудка» тосковал по Москве. Карелия казалась ему огромным

¹ Квартирный вор.

— Папу! — закричал он стариковским фальцетом.

сплошным болотом. Всюду холодно светилась вода. Тонкостольные сосны поднимались над туманом, как осока... их обожженные корни сплетали боязливые склоны. Даже дома в деревнях тут были особенные; недоверчиво смотрели вслед зеленым курткам кандалармейцев мелкоглазые, лобастые избы старых деревенских поселков.

В конце концов «капельдудка» не выдержал. В спорах, с банной консервами и чиной справой от отпуска, он бежал в Петрозаводск. Метель и голод заставили беглеца вернуться обратно. С отмороженными ногами и покиравшим лицом он ползком в лазарет. Здесь с ним в первый раз разговаривал комендант участка — пожилой чекист — латыш с устами газаны и лицом, алигаторным от бесконечного. Начальник не угрожал ни ротой усиленного режима, ни новой отсталки. Он просто сказал:

— А беженец! Кем работал?

— Административный... — сказал «капельдудка» явственно. — Колесо и две ручки...

— А почему бегешь, чекистик?

— Скучно...

Комендант засмеялся,

— Адью... — сказала он, разглядывая съежившегося под одеялом «капельдудку». — Ты полуешь песенную работу!

«Капельдудку» назначили подрывником. Комендант рассказал правдиво. Дикое самодобие городничих работало, как динамит. Там, где сопротивление было слабым, «капельдудка» оставался рядом солдатом. Где сопротивление крепко, — просматривалась энергия. Слово «подрывник» звучало для «капельдудки» громче, чем «чекистик»; как всякая артистическая натура, он прынчил быть на виду, и подавляла греда его больше, чем затыны штаны, которые надевали подрывники.

В гранитах и днабах Савелов прокладывал знаменитую Повенчансскую лестницу. Когда же ее крутые ступени закрыли вода, «капельдудку» перебросили еще дальше, на север, к пустынному озеру, усыпанному, точно утками, стаками островов.

Он проходил здесь осень и зиму, такую же, что по ночам, зевы, лопались маечтовые сосны. На Виг-озере «капельдудка» научились подрывать аммальды пни, рубить ржики, складывать дамбы из камней, глины и мха, а по утрам, просыпаясь в пласти, рубить мертвый леб топором.

И тени щегольства не осталось в былом городничике. Руки его так отрублены, что он голыми пальцами доставал из носа уголки. Он возмузжал, окрас, вставив стальные зубы.

На Вы-озере «капельдудка» научился подрывать аммальды пни...

Имя Савелова стало все чаще и чаще встречаться в газетах...

Прошло два года. Первый пароход поднялся по Повенчанской лестнице и ушел дальше на север... В новых коттеджах поселялись шлюзовые рабочие... Весной 1934 года «капельдудку» отпустили на лагерь в подмосковную комуну НКВД, куда его давно звали товарищи.

Ни подрывника, ни амбасоров коммуне не требовалось. И Савелову в четвертый раз при-

шлось менять квалификацию. «Капельдудка» стал облученным теннисным ракетом.

Он жил теперь на четвертом этаже, в комнате, куда заглядывали вершины старых языков. Напротив дома был пруд. Марии, которые разучивали музыканты на берегу, заставляли «капельдудку» вспоминать о трубе.

Страсть к музыке проснулась в нем с новой силой. Он вспоминал о профессоре, у которого был урок три года назад, и послал в Москву длинное и довольно беспокойное письмо.

В ответ пришла посылка: старая труба «капельдудки», поты «Марии милитар», подчеркнутые на том месте, где оборвалась последний урон, и записка с предложением начать заниматься в оркестре коммуны, которым руководит «один из наших общий знакомых». В конце записки профессор просил быть точным, так как, поскольку ему известно, директор пунктуален и строг.

На святогорку «капельдудка» двинулся немного волнисто; клапаны трубы еще плохо слушались отгремевших пальцев.

Место «капельдудки» было взятое самого директора. Когда все сели и разложили ноты, Савелов увидел над собой седой белокурый и заломленный глаза Горностаева. Профессор смотрел прямо на «капельдудку», и рот директора, пристрятый чуть выше усами, улыбался.

Они поздоровались так просто, как будто расстались только вчера.

— Как водится? — Починил? — спросил неожиданно Горностаев. «Капельдудка» зевнул.

— Починил... Я, Алексей Эдуардович, был...

— Знаю... Выг-озеро... Повенчанская лестница... Я следил...

Они помолчали. «Капельдудка» вспоминал последний вечер, испуганный лицо Марти и лицу воле крмада, в которой хранился ключ от квартиры.

— Алексей Эдуардович, — сказал он нетромко. — А долго же мы не знали о моей специальности.

— Глупости! — ответил профессор сердито. — Я знал, кому оставил ключи...

Это был единственный случай, когда профессор сорвал. «Капельдудка» хотел подойти к Горностаеву ближе, но профессор уже выпрыгнул и поспешил пальчиком о пистолет.

— Мария милитар! — приказал он отрывисто.

В этот вечер «капельдудка» фальшивка бессознательно.

В. СОСЮРА

ПРОШЕДШЕЕ

Легит огонь, синит огонь:
Тогу, тогу, тогу...
И броеник — через него,
Подобный утогу.
Матрсы — на плечах ремни,
И никина — в ремнях,
И пуленты возле них.
И ти — любовь моя.
И газ от глаз не оторвать,
И солнце летит к ногам...
Блестит привыкший восставть
За поясом нагай.

Легит огонь, синит огонь:
Тогу, тогу, тогу...
И броеник — через него,
Подобный утогу.
* * *
Помни, винши рделы и качались,
Солнцем перетретье в саду.
Как сказала ты, когда прощались:
«Где б ты ни был, я тебя найду».
И во тьме, от мух и от истомы
Вымып злобы и любовь до дна,

Часто вину облик твой знакомый
В проёмы светлокалого окна.
Только синит, что давно минуло...
И не мне ли на земле другой
Минить синий с орудийным глоум
Голос твой, наивки дорогой?
И теперь, как прежде, винши будут
Рядами от солница и тепла,
Как всегда, ишу тебя повсюду,
Ты меня доселе не наша...

Перевод с украинского
А. ПРОКОФЬЕВА

КОММУНИЗМ И ЛИЧНОСТЬ

Редакции «Смены» посыпала от Ромена Роллана для опубликования в журнале два письма. Первое из них — письмо Ромена Роллана студентки Н., живущей в одной из французских стран. Второе письмо — ответ студента Н. включено позже, бородатый за спасение человечества.

Дорогая мадамузель!

Я получаю ваше письмо от 13 июня. У меня, конечно, нет возможности отвечать на все письма, которые я получаю: на это уходили бы все мои дни. Но по поводу вашего письма мне хочется сказать вам следующее.

Прежде всего: если существующее общество вам не нравится, надо стараться улучшить его. Если бы каждый приложил к этому все свои усилия, человечество пошло бы вперед гораздо быстрее, чем сейчас. Но, конечно, не надо действовать очерта голову. Учитесь, например, эзотерике!

Я не могу советовать вам выбирать ту или иную политическую партию, потому что, что вам по душе. Но если коммунизм кажется вам абсолютно невероятным, коммунизм не есть «отрицание сознания отдельной личности, для спасения всеобщей массы», не есть «лонгование общего уровня вместо возбуждения массы». Цель коммунизма — совершенно противоположна этому. Цель коммунизма — обновление национальной личности, уничтожение всех материальных и моральных условий, мешающих ей раскрыться.

Коммунизм дает возможность народам развиваться согласно его способностям и желаниям.

В классовом обществе, где есть эксплуататоры и эксплуатируемые, где огромное большинство зависит от горючести личностей, которые не всегда — далеко не всегда! — являются избранными, обладающими человеческими «сознанием, талантом, способностью к творчеству», наиватеринализм, каждый зависит от материальных условий, от условий работы, досуга, свободы всякого рода, возможностей учиться и т. д. Цель коммунизма — обновить все человечество от тысячи цепей, опутывающих его сейчас. Когда не будет больше границ между нациями, не будет кавалов, а будет только человечество трудящихся, обединенных, а не разделенных, когда не будет больше границ между нациями, поднимется на новизну высоту. Несознательная масса, как вы говорите, превратится в обнаженную сознательных людей.

Что же касается «террора», в котором вы также обвиняете коммунизм, то он применялся коммунистами только как орудие защиты против угрозы извне, в духе террора Альбера Сарра, национального героя на полях многочисленных атак и многих потоков. А сейчас половина Европы и почти вся Азия находятся под террором не коммунистов, а их противников. В вашей собственной стране существует террор. Вы, может быть, даже не знаете этого, но я уверен, что вы должны иметь дело со всеми организациями помощи (МОПР), и это хорошо знаю.

Италия и Германия, Венгрия и Греция, Югославия и Румыния, Польша, Китай, Япония, Индия находятся под гнетом террора, более или менее замаскированного. Политических заключенных пытают в тюрьмах Испании, Болгарии, а также на Островах смерти в Греции? Только вчера я получила вести оттуда. Знаете ли вы, что произошло в Астурии после разгрома революционеров? Если вы хотите знать все это, вам нужно читать не буржуазные газеты, а левые.

У меня есть друзья в Германии, которых было много среди профессоров и которых были фанатисты. У меня были друзья в Индии, которые брошены в британские тюрьмы, потому что хотели свободы для своей страны, раздавленной англичанским империализмом.

В Индо-Китае 11-летние дети бросают в ямы вместе с родителями, если они пытаются требовать все-каких прав, самых необходимых жизненных прав. В Польше и Румынии жесточайшим образом преследуют евреев. У меня есть один друг-румын, крупный ученый, который не осмеливается выходить из дома: он боится, что его убьют; недавно убили одного из его друзей только за то, что он был еврей. Г. Шварц, Морис Торез, Альбер Фроман, который приказал убить «Бороду» в четвертый раз признался в убийстве Леона Блумма и других, — не коммунист, далеко не коммунист!

Итак, не называемый террором на полях коммунизма. Они называют его террором антифашистского террора, направленного против них. Их цель — заставить исчезнуть все причины террора: эксплуатацию, империализм, войну.

Желаю вам хорошо учиться, дорогая мадамузель, и пропусти вас верить моим искренним чувствам.

РОМЭН РОЛЛАН

Знаете ли вы, что Парижская коммуна 1871 года, которая была актом благородного восстания и которая не пронесла никакой жестокости по отношению к врагу (хотя только несколько заложников было расстреляно в пособниках), была подавлена с помощью беспредельно раздутого буржуазии г-на Тьера и его офицерами. 30 тысяч мужчин, женщин и детей были расстреляны в течение 2 дней по приказу военного суда, без разбирательства дела. Мы же говорим о тысячах соглашенных и заключенных в тюрьмах. Протянувшись в прекрасные люксембургские сады Парижа, въехал подкованные демаски, чтобы они покоряли хладнокровно жертвы буржуазной мэрии 1871 года.

РОМЭН РОЛЛАН

1 Французская организация.
2 Польша, средневекового джакиши в Франции, была убита в 1914 году виновником убийства министра.

РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «СМЕНА»

Villeneuve, le 11 Juillet 1936.

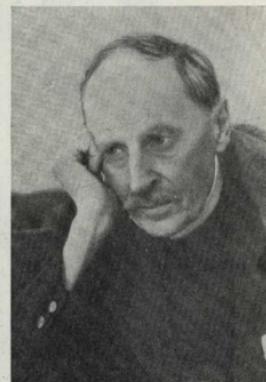
Chère camarade,

Excusez-moi de long retard avant vous remercier pour votre télégramme, le jour de mon anniversaire. J'avais pris le 1er Juillet de remercier toutes les organisations et toutes les personnes qui m'avaient envoyé leurs souhaits. Mais je tiens à le faire aussi personnellement, pour vous exprimer mes sincères et les transmettre à tous vos amis.

«Je vous envoie en ces temps un petit texte que vous aurez peut-être intérêt à publier dans votre journal. C'est une réponse de moi à une jeune étudiante âgée de 22 ans, née d'une «bonne volonté», cherchant sa voie, mais accueillie par les journaux de l'époque et par le milieu dans lequel elle se trouvait. Je la prie de lui montrer les yeux. J'espère que ma lettre lui aura fait du bien.

«Je vous serre le main bien cordialement, chère camarade, et je vous prie de me croire votre ami

L'Ami Rollan

Я ПОСЛЕДУЮ ВАШЕМУ СОВЕТУ

Ответ студентки Н. из фашистской страны
Ромэн Роллан.

Благодарю вас от всего сердца за ваше письмо. Не могу выражить того счастья, которое я почувствовала, получив его.

Я хочу следовать вашему совету: работать как можно лучше и удачнее, и буду работать и стараться, сколько могу, привнести свой уважительный вклад в мир и в науку. Я перечитала его снова и снова; я буду много читать по вопросу, который мне винят разыскан. Тысячу раз благодарю вас за это. Да, я хочу узнати правду. Что же является жизнью моей страны, то, действительно, я недостаточно знаю ее... Мне случалось видеть вещи, которые я не мог себе представить. Но я читала, что они являются кардинальными не только для моей страны, но и для всего мира. Теперь я хочу узнать их. Благодарю вас за то, что вы ответили мне, студентке. Благодарю вас за ваше письмо, которое показало мне новый путь.

Ваша студентка.. Университета (подпись)
(Как я буду счастлива, написав когда-нибудь:
«Ваша ученица»).

Бильярд, 11 июля 1936 года.
Дорогие товарищи!

Извините меня за то, что я так поздно отвечаю на поздравление Бандера и на поздравление профессора, сделанные в день моего 60-летия. Я прочел «Известия» поблагодаривших все организации и все народы за помощь, которую прислали мне поддержкой. Но я хочу сделать это не только для моей страны, но и для всего мира. Теперь я хочу узнать их. Благодарю вас за то, что вы ответили мне, студентке. Благодарю вас за ваше письмо, которое показало мне новый путь.

Сердечно жму вам руки, доюсь на поздравление профессора, а также поздравляю вас с днем рождения.

РОМЭН РОЛЛАН

ГОРОД под тур

Очерк Ю. ШЕР

Одна за другой летят вниз бомбы.

На аэродроме шло последнее приготовление. Было тепло. Линии нарезки раздавались короткие реванки. Все еще в темноте слышалась мерный рокот работавших моторов. Учима в ночь первая машина, за нея поднялись остальные.

Гуда хорошо знакома командиру эскадрильи. Но сейчас ему приходится до предела напрягать зрение. С большим трудом он различает фигуры солдат. Солдаты разбросаны отчаянно. Всемирно далеко внизу открылось яркое пятно. Это Косогорский металлургический завод.

Командир отдает приказание. Одна за другой летят вниз ракеты заменяющие на учениях ПВХО аэроинициеские бомбы.

На улицах замирает жизнь. А как оживлен был город в этот самый самый замечательный выигрышный дик! Теперь лишь то-то медленно фигуры бойцов из отдалений «охраны порядка». Они уводят замешавшихся прохожих в ближайшие газоубежища.

Приименяя полой пункта первой помощи. Здесь несколько девушек-медсестер. Они доставлены на велосипедах «ранеными» из района, который особенно пострадал от артобстрела. На велосипедах сидят санитары. «Пострадавшие» — фигуры на них подспоенные санитарами. «Пострадавшие» — граждане были застигнуты воздушной атакой праси-чех.

Кто-то из «раненых» попытался встать. Откровенно говоря, лежать по приданому надоело.

— Вот видите, гражданин отравленный, — бросила одна из сестер, — сдам ее нормы! Будь готов к ПВХО!, так ничего бы не случилось!

— Отпустите...

Появились дезинекторы в защитной одежде. Они напоминают героев фантастических романов Уэллса.

Гражданин! Помни! самолет противника

Несмотря на обстоятельства, город не

воздушная тревога! НЕМЕДЕИ! все они и террор и пла

тель ви
ны в
Мади
Ви
духовн
шими, в
А

защищать
его про
10 мин
из про
Чима
Фи
влеми
Пр
весь б
Фи
Вод
200

сказа
соча пр
работа
и

В
длань
длань
тиков
окраин

Во

воздушн
о запре
стреди
с земл
могу
ждан
против
Над н
Н

бить
Д
зрим
проща
и туда
«
саров.
Ми
рост
рода
меня

«Боевые самолеты
уходили в запад-
ном направлении..
Атака врага была
отбита.

Несколько бомб посыпало на территорию первой образцовой школы. Учитель ходил со скопиной и мешечком дезинфицировал участок, зараженный ядом. «Запасные боеприпасы» были потушены через 20—25 секунд. Мальчики под руководством старших школьников отправились в газоубежище. Всесильный воиний с черными петлицами, начальник штаба противовоздушной обороны тут, Рыбальченко, следил за работой ребят. Сядясь в машину, он бросил: «Пуск зенитов будет не пугче чон здесь!»

А спустя минуту Рыбальченко выговаривал начальнику группы само-защиты Митеву. «Воздушное нападение» захватило начальника прасплюс: его противогаз остался на гвозде в квартире на третьем этаже. Еще через 10 минут Рыбальченко поздравляла служащих Госбанка, Тулузия и одного из продуктовых магазинов, отлично справившихся с пожаром и «отправившихми венец».

«Бомбы сгорели», — обронившие «бомбы», уходили в западном направлении. Атака врага — «спаси» — была отбита...

Противовоздушная и химическая оборона вошла в повседневную жизнь всех без исключения европейских стран.

Вашингтон бесечно готовится к воздушной войне. Всестратегический совет по противовоздушной обороне — массовая организация. 2200000 человек в каждом городе разлагают специальными эланами, выпущенными из своих стен дезинфицирующие, пожарные, санитары. В этих школах 10 тысяч преподавателей и инструкторов, не считая тех инструкторов, которые работают на промышленных предприятиях, железнодорожных дорогах, в портах и т. д. В каждом доме в крупных городах есть специальные «домовые коменданты», которые контролируют стоянки автомобилей, парковки, склады и т. п. Меньше чем за год «домовые коменданты» занимались не столько противовоздушной обороной, сколько служкой за своими жильцами, выдавая охраны коммюнике и все «изнакомыслания».

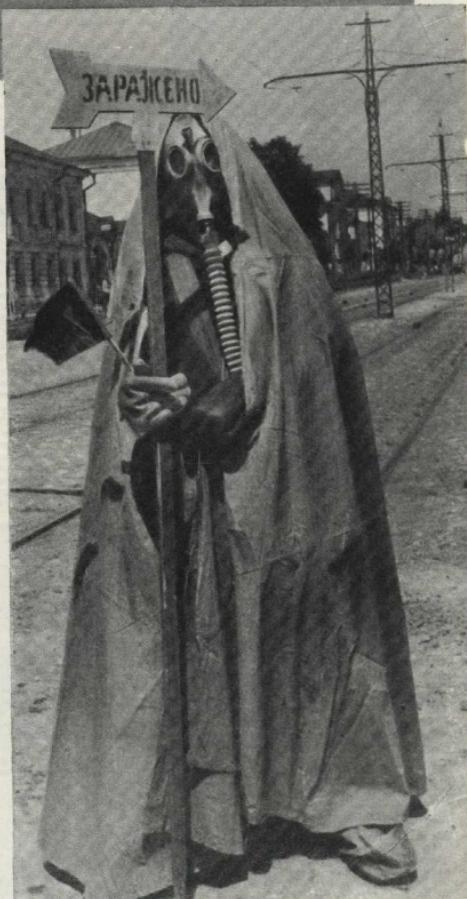
В Франции после прихода к власти партии народного фронта противовоздушная оборона приобрела для населения огромное значение: дело идет о защите республики, о защите ее граждан, о которой настойчиво спрашивали французы и его агентура внутри Франции.

Наша страна, борясь за мир, обеспечивает мощь своей обороной как с земли и моря, так и с воздуха. Противовоздушная оборона — дело каждого советского патриота. Центральный орган нашей партии «Правда» недавно писал: «Мы можем и обязаны... еще больше совершенствовать нашу противовоздушную и химическую оборону, пристрой ее еще больший размах. Нам предстоит сделать это на наших работах вся страны».

Наши крупные насеянные пункты, заводы, фабрики, МТС должны быть в полной безопасности.

Для этого нужно прежде всего желание, энергия советских людей. Сколько же все эти качества налились у тружеников. Недавно с огромным успехом прошли учения по противовоздушной обороне в городе Ленинграде и в Тульской области.

«Мы, молодые советские люди, — сказал на Х съезде комсомола тов. Ко сарев, — не боимся смерти на поля боя и не растеряемся под огнем врага... Мы будем бороться с воодушевлением, со стойостью, с небывалым храбрством... Нам есть за что любить родину, ее необъятные просторы, ее города и села, выстроенные и перестраиваемые нашими руками. Нам есть чем защищать их. А раз так, то будем готовы!»

На улице замирает жизнь...

Марко и еще девять

Было около шести часов вечера. Внизу, под самым холмом, расстидалась широкая зеленая равнина. По ней, строго дерка равнины, маршировал отряд молодых фашистов.

В застывшем воздухе раздавались судорожные шаги фашистских чиновников. В отряде было двадцать двух листков в возрасте от 17 до 20 лет. Они шагали взад и вперед воинским маршиком и под звуки оркестра распевали грубою солдатскую песенку:

*Франция — сильна,
Мы хотим забрать Ниццу и
Салоэ...»*

Голоса были сиплыми и скрипучими. Энрико видел вид, что по-глупому играл, складывая картины из камней.

— Их неизвестно упрекать: им было всего по четыре года, когда фашисты пришли к власти.

— Их никто не обижен! — отвечал Марко, — они должны сражаться с нами. Многие из них добились своей славы, как я и ты. Среди них есть ребята с нашего завода...

Прошло четверть часа. После пятиминутного отдыха Ниццу привели к обязательной церемонии — поднятию фашистского флага. Альдо бросил газету, поднялся с места и усердно задумчиво панибогой. Внизу юный фашист потянулся к дереву, на ветвях которого висела вебро. Оркестр заиграл фашистский гимн.

В пение мэри всхрипела гимнастка. Марко, в одно мгновенье все десь селиться к обрыву и стоял, склонившись вниз памяти с листовками. Листовки разлетелись в воздух, как лепестки, а потом начали медленно опускаться в равнину. Марко испугался, что листки не

долетят до стоящих внизу. Он побежал по склону холма и с криком: «Да здравствует коммунизм! — бросая пачку листовок в самую гущу отряда.

Стоявший внизу поднял голову. Удивление было настолько велико, что никто из них не сдвинулся с места. Тогда командир сразу сообразил, что надо, рывком руками он превратил музыку и крикнул свидетелями голосом:

— Страйайте, немедленно страйите! Они так нахорху, на холме, да страйят же, чорт вас возьмут!

Он выхватил револьвер и выстрелил в воздух. Потом разрезала воздух пушка.

Марко крикнул еще тричку: «Да здравствует коммунизм! Листовки тихо и медленно падали вниз, в ноги молодых фашистов.

Некоторые из них напугнулись, подняли листовки и прицелились, читая, стояние позади затягивались через плечо.

«СССР является отечеством рабочего класса, читали в СССР нет рабочего класса и индустрии. В СССР рабочие и крестьяне вяжут власть в свои руки...»

Голос командира гремел:

— Страйте же! Вам дали руку, чтобы страйти.. Это не игрушкой.. Страйте, подадесь, или нас всех расстреляем!..

Человек десять машинно-изделий вперед, подтягивающиеся к мандриору. Наверху, на холме, начали склоняться с листами. Марко снова всхрипел всем. Обернувшись, он крикнул товарищам:

— Через минуту белите, спасайтесь!

— А потом громко, во весь голос:
— Да здравствует коммунизм! Италии!

Фашисты были уже в десяти метрах от них. Товарищи Марко бросались белить. Марко нехотя покинул отряд.

Был часу командир кричал, надрывался:

— Страйайте, мерзаки, страйляйте!

Впереди всех по отсюду холма взбранился молодой фашист, сажес еще мальчиш. У него было открытое и честное лицо. Он приводился к Марко и негромко сказал:

— Спасайтесь скорее, бегите... Мы будем стрелять, когда вы будете далеко...

Марко посмотрел на него, мальчик улыбнулся.

— Спасибо, товарищ, — бросил Марко и пустился догонять товарищей.

Коммунисты бежали по направлению к мандриору. Долго они смыкались с собой, напоминающей голосом командира и оружейные замы. Потом все стихло.

В тот же вечер весть о выступлении коммюнистов облетела все село.

Листовки под условием «чтобы никто не знал», передавались из рук в руки.

Марко, сидя в кафе, внимательно прислушивался к разговорам о предстоящем бою. Об этом, что перестанет, говорили заводские. Одному из коммюнистов рассказали об этом рабочий, который в свою очередь слышал этот рассказ от другого рабочего. Об этом говорили, что ужином в каждом доме. И дети внимательно прислушивались к разговорам своих родителей и мечтали о том времени, когда они подрастут и станут такими же отважными коммюнистами.

Вера Мартини

Мечтание

О смерти Клара Цеткви четыреста рабочих, заключенных в концентрационном лагере № 1, узнало случайно. Когда слух об этом дошел до них, прах великих участников революционного боя был уже замурован в стенах Кремля, подвале которого.

По заключению решинской прокуратуры, скончалась великая учительница Клара Цеткви. Но как? После долгих споров постановлена в знак траура сблюдать абсолютное молчание весь следующий день.

Решение было выполнено. Самому коменданту лагеря, исполнителю приказа о замыкании «обращения с людьми» — сперва в Прибалтике и Саксонии, затем в Чорном рейхсвере и, наконец, в штурмовых отрядах, даже ему не удалось вытащить из заключенных одно слово. Единственным удовлетворением для

командента было то, что к вечеру двадцать два заключенных, избитые и окровавленные, не продолжавшие молчать, очнулись на заросших койках.

Молчание четырехсот заключенных произвело глубокое впечатление на их надзирателей.

После ужина, в котором основное блюдо — подозрительная жидкость,

называемая супом, — было отведено то, как заключенным привыкалось довольствоваться обычным кашеттом — пельм с горчиче. Всеслав, — комендант лагеря приказал удалить караулы и выставить пугалеты. Он и охрана провели всю ночь в форме и сапогах, каждую минуту опасавшиеся, что вспыхнет восстание. Но и этого пока не произошло.

На следующее утро комендант взвыл к себе троих заключенных: старого тор-шартанкова и двух молодых рабочих, в камере которых находились Клара Цеткви.

Когда все трое отвалились обличить причину молчания, они были пристрелены, — при попытке к бегству, — или газаса обычной формулой.

Ф. Фокстоп

Их было десять человек. Они решили выступить в день военных управлений фашистского отряда молодежи. С нетерпением ждали они этого дня. Несколько раз спрашивали они же за листовки и «уходили» не с пустыми руками в расположенный место ее присоюса... Из соседнего города Удина приходили тревожные вести: антифашистские выступления подавлялись с необычайной жестокостью.

Их было десять коммюнистов. Их проруборты они никогда не собирали вместе. А Марко, Марко как бы случайно, перебрал Энрико в кафе. Энрико нечаянно сядился в один автобус с Джином. Джиновин, выходя из зала, прикуривал у Альдо и называл место встречи.

Марко не мог удержаться от смеха, потому что, как он дразнил на глазах у французов, глядя виновато пронес листовки в мести сбора. Это было в тот вечер, когда после работы их согнали вместе, чтобы заставить слушать патетическую речь фашистского оратора в военной форме. Оратор из зала вышел, дрожа от неудовольствия и полез в поле войны с Альбенисской Сантой, окружавшей оратора, лицо спрощало его речи аплодисментами. И вот под треск аплодисментов Марко бросил Андреса:

— Послезавтра все будут там... Альдо не зоргуя глазом. Он не зоргуя глазом, неизменно поправлять глязки и отвечал:

— Послезавтра? Великолепно. Замечательная будет прогулка. Работница, стоявшая возле них, спросила:

— Интересная прогулка? Тогда и я тоже буду...

— Обязательно, мадемузель, и мы и наши друзья...

В назначенный день они собрались на холме, за городом. Двое играли в карты. Двое прогуливались по аллеям. Одни лежали в чулаках и читали газету. Еще один раз сажался, по дорожке на величине, где четверо остальных тренировались с футбольным мячом.

АМЕРИКА И ЕЕ МОЛОДЕЖЬ

МЕКСАЙН ДЭЙВИС

Американская публицистика Мексайн Дэйвис исключила на автомобиле
чтобы не всю территорию Соединенных штатов.

Попытавшись убедить в своих интересах и девушкиами, стараясь уловить их настроение, их привычки, их интересы.

В результате своих наблюдений Мексайн Дэйвис приходит к выводу, что американской молодежи не нужна Америка, для нее нет работы, нет будущего. Книгу свою о молодежи Америки она озаглавила «Позиции поколения».

Читатель сопоставит положение молодежи в демократической Америке с положением молодежи в нашей стране, где государство гарантирует каждому кончики и деревянный тюбук, обещает, что если ты хочешь работать,

Мексайн Дэйвис пропадает лишь одно изложение в жизни молодежи США: она пролегла единственно вдохновение, единственно молодежи и смелое движение среди этой обездоленной молодежи: бойкой американской комсомола. Ниже мы печатаем отрывки из книги Мексайн Дэйвис.

Годы депрессии оставили нам поколение, у которого удачные возможности и возможности развития — тоже так же как мирная война оставила миру наследство погубленное вою поколения.

Поколение 30-х годов гибнет от тяжких разрушений, ибо не имеет стоящих уортии, и спирта.

Около трех миллионов нашей молодежи, окончившей школу, не имеет работы — и не имеет своей зине. Множество юношей и девушек, занятых в производстве пустышки делом, которое несет такой низкий заработка, что не имеет для молодых рабочих почти никакого значения.

Какое влияние оказывает все это на молодежку?

Ответить на этот вопрос можно только так: нужно встретиться лицом к лицу с нашими юношами и девушками, поговорить с ними и выяснить, что они делают, что они думают, что они хотят.

Отправим же в путешествие и соберем нас из первых рук сведения о положении нашей молодежи.

МАЛЕНЬКИЕ ДРАМЫ

Невесомый самодовольный человек, которого мы встретили в гарраже, притаился нас посмотреть на танцы. Мы охотно согласились,

Танцует молодежь — рабочие текстильных и табачных фабрик, мелкие служащие, торговцы.

И юноши и подруги тонки, стройны, но, как видно, не от того, что выбирают пищу блюда, а от того, что им не подходит платье, за которое требуют немало помечты мы видим, что это за платья: они куплены в тесных лавочках, продающих свой третескотый товар за двойную цену в рассрочку. Не внесешь взнос вперед — прощаешь с платком.

К нашему знакомству время от времени подходит родные и приятные. Вот Мэр, молоденькая хорошенькая девушка. Но юноша смехом уже начинает походить на темы под глазами, слегка зевавшиеся, с царапинами.

Когда же вы с Дьюком поженились? — спрашивает Мэр жена нашего приятеля.

— Не знаю. Дьюк звала получила предупреждение об увольнении...

А вот и еще одна пара. Они должны были пожениться в этом месяце. Джорджия уже сделала себе прическу. Но Фред неожиданно получил расчет. А проработав на всем его четверо месяцев, и это было первое место, которое ему удалось полулучить после окончания средней школы — три года назад...

Небоскребы Нью-Йорка.

У отца Фреда, в далекой глуши, есть ферма, и Фред находит там летом дело. Но о следующем году он не знает.

Молодежь танцует с аккордеонами скажем: приступает, что юноши и девушки разыграются, забываются. Танцы нет. Только один смешной паренек с горделивыми ушами выпляшивает лихее. Он стоит перед нами, размахивает руками и кричит:

«Если они не сделают того, о чем говорят Рузвельт, прими не знаю, что может случиться!»

МЭРИАН ХОТЕЛА ИМЕТЬ РЕБЕНКА

В Бостоне, на платформе изнайденной железной дороги, сидит девушка, привлекающая все внимание. Она сидит, не видя останавливающихся и уходящих поездов, и беспрерывно скручивает и раскручивает носовой платок. Это одна из наших стандартных стереотиписток с кудрями волос, с ярко-красными губами, бледными краевыми красными щеками, в туннельном салаке, изъясняющим киблатом, вымынншего от бесконечных домашних чисток. Вся ее судильная фигура пытается...

Невольно я подсаживаюсь к ней.

— В чем дело? Не могу ли я помочь вам?

— Благодарю вас. Нет.

— Я не адепт. Я живу в другом городе, очень далеко. Иногда становится легче, когда рассказываешь свое горе человеку, которого не знаешь...

Демонстрация в Нью-Йорке 30 мая т. г. Молодые итальянцы и итальянки плечу идут с антифашистским лозунгом.

Она снова закрутила и расправила платок—раз, другой. Потом, аксессуары, повернувшись и сказала:

— Мне предстоит операция. А я так боюсь. Ох... так боюсь!

— Вс... вы поедете туда одна? — я каким-то чуток помяла, холуя операцию она имеет в виду.

Да, Нана хотела закрыть по субботам, а это как раз единственный день в неделе, когда мой друг работает.

— Я поеду с вами, подожду вас и отвезу домой в такси.

— Это было бы чудно. Мне так страшно.

«Надежда» она рассказала мне свою историю, печальную и одновременно интересную.

Мне рассказали в конторе авторографии. Ее изображение—девятнадцать долларов в неделю—составляет единственной доход всей семьи: отца-партизана, старой тети и трех маленьких братьев и сестер. Она и ее забранник любят друг друга еще со школьной скамьи. Он не окончил школу, поступила на завод сельскохозяйственных машин. Бывало, речи о том, чтобы пожениться, как только она пройдет курс демонтировщика, а он получит повышение.

Юношу уволили одним из первых, когда депрессия обострилась. С тех пор ему так и не удалось найти постоянной работы.

— Мы любим друг друга. Но то, что нам удастся когда-нибудь пожениться, шансов было мало... И вот... не могли же мы жить вечно в браке?

В этой маленькой стениографии было настоящее человеческое достоинство и искренность. Она и ее друг, безусловно, поженились бы, если бы могли. Она очень хотят пожениться, создать семью, но одногоджелания мало...

СТРАХ

Джемс Борден — умный, полонительный юноша. Окончив колледж, он по рекомендации администрации колледжа получил работу в качестве посыльного на большом машиностроительном заводе в Чикаго с начислением в 25 долларов в месяц.

Джемс влюбился в стройную девушку, занятую по служебной лестнице на этом предприятии. Он не хотел стать машиностроителем; он хотел быть врачом, но не имел средств на учёбу. Все свое время по окончании работы он проводил в лаборатории или за чтением медицинских книг.

Но он не расстроился и своей служебной работой был вполне доволен. Через три месяца ему предложили место конторщика в маленьком городе, где его фирма владела каменогорным рудником. Задающий отделом личного состава, человек очень гуманный, хорошо относившийся к Джемсу, изменил его стремление стать врачом, не советовал Бордену: братать это место.

Брат вам покорите себе там заняться, — говорил он. — Небольшая прибавка к заработку, которую вы там получите, не даст вам возможности скопить деньги для учебы. Учитесь же в этом городишке нет никакой возможности — нет ни библиотек, ни лабораторий. Подождите, я постараюсь устроить вам работу на одном из наших старателейных заводов в следующей смене, так что вы сможете здесь учиться.

Джемс побоялся не взять место с более высокой зарплатой. Побоялся, что большие суммы никогда не представятся такой возможности. И с тех пор он работает в залоговстве, на рудниках и, вероятно, останется там навсегда. С методом о медитации покончено.

Конечно, это правда. Он делает из юного молодасти стариков. Он сужает ее ворогов, калечит ее души. Самым задумчивым ее стремлением становится погоня за материальной обеспеченностью, этот идея пожертвований и устремлений.

ВСЕ РАВНО, КАКАЯ РАБОТА

Ранним утром мы въехали в Чикаго. Смур, молодой мальчик двенадцати лет. Проскакив мимо гипноза, старые дома с маленькими грязными двориками. Шумные, тесные улицы уже полны игривых ребятней. Это нормальные «площадки»

задешних детей. Здесь они играют в карты, в бандитов.

Останавливаемся около завода «Армэр и К». Помимо того, что делается в здешнем биро по наиму.

Около него толпится народ. Много молодежи. Загоравшим с одинаковым в пыльном одеянии.

Что я делаю? — повторяет он сердито зашум вопрос. — Магистрат собираю, люди, собираю маргиналы. Какого чорт! Что же, вы не видите, что я делаю? Торчу здесь с пять утра. И не первый раз и тому же...

Около ворот «Интерпринтер» зарестор ком-пани — также я толкаю.

Среди этого колхоза инженеры проходят эстафету юноши и девушки в поисках работы. Они плятятся от завода к заводу, от фабрики к фабрике. Они ждут и надеются, возвращающ-

нибудь прочное, надежное. Удивительно: как мало стремится молодежь к профессии с ощущением романтизма, например к авиации!

ЦЕНЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Молодые поколения хотят в элитарную среду образования. И хотя они видят, что их заставляют сестры, родственники и друзья посыпать лет ученым не находят своим позыванием. Это же значительное количество юношей и девушек тяготится к образованию и борется за него поистине героически.

В прежнее время бывали студенты, которым приходилось работать, чтобы учиться. Но таких было сколько неизмеримое меньшинство. Теперь же работает по меньшей мере половина студентов.

Еще до поступления в учебное заведение они присыпают запросы о том, какие возможности стабильно имеются в городе.

Студенты и студентки работают маникюрными, принтерскими, садовничими, стирают и гладят белье, готовят пищу и присматривают за детьми. Они работают в магазинах, домашней прислугой. Они работают лифтерами и наемными танцовщицами в дамсингах, расставляют кеган. Их можно найти даже за стойками баров.

В одном пригородном трактире в штате Индиана мы встретили студента из Северо-западного университета. Он привез с собой из дома изображение ученого философскую тему, которую он считал ученой философской темой, способной облегчить приятелем, чтобы сделать нам ложек.

Студенты-спасчики служат «вышибалами» в ресторанах.

На плачевых девушек, привинчивавших на хранение наши дядечки в почтовых ящиках, мы видели значительное количество студенческих оружия.

Они часто надврают здоровье и, как правило, недоспывают. Нам говорят, что они едят всего два раза в день, а иногда — только один раз.

УЧИТЕЛЬ ТАНЦЕВ

Каково же будущее молодежи, добившейся с таким трудом высшего образования?

Вот что рассказала нам Том Кайер Стонхилл, с которым мы встречались в Нашвилле.

Его отец, адвокат, умер в 1925 году, оставил в наследство миссис Стонхилл уютный дом, столовую и небольшую мастерскую для ее наставников и обитателей. Этого было достаточно для вполне приличного существования семьи: миссис Стонхилл, Тома и двух его младших сестер.

Томми перед поступлением в высшее учебное заведение высказал, какие практиче-
ски возможности представлял каждая профессия. В университете ему сказали, что необходимо выбрать с тем, что ищут квалифицированных работников. Томми решил стать инженером-нефттехником.

Комиссия разбралась, когда он был еще на школьной скамье. Матери Томми пришлось так же плакать, как большинству других. Но Томми не должен бросать колледжи. Ка-
залось разумным года два перенести лице-
иум, чтобы Томми мог участвовать в спор-
тивных соревнованиях и помочь сестрам.

Была одна проблема: место и помощь. Все вообще оказались ис-
пользованы. Не нужны. Все вообще оказались ис-
пользованы. Не нужны. Но ведь было даже найти место шефе-
ра на грузовике.

...Меня это заставило призадуматься... И вот в один прекрасный день я представил моим родителям, что я буду участвовать в поисках возможностей, чтобы получить место, чтобы по-
лучить самое лучшее место и помочь сестрам. Этому подало мне
нельзя — статья учителем танцев. Гуппо, правда? Но ведь когда-нибудь появляются места, где инженер нефттехником! Я продолжаю подавать заявления...

ДА ТАК, СЛОНЯЕМСЯ...

Мы спросили Бена Коуфорда, юношу из города Юнион, в штате Южная Каролина, как он и его брахебородые друзья используют свой вы-
нужденный досуг.

— Да, так, — ответил он неопределенно, — сло-
вимся...

Перевод с английского Н. Волынченко.

Морской волк

Рассказ ЮРИЯ ГЕРМАНА

Скорый поезд вез меня из Тифлиса в Баку. Моя мечта — купи письмо неисторично и глупо, — подумалось мне, попутчики попались болтливые и под глазами. Я отправился в вагон-ресторан. Там было пусто, лишь за один столик сидел человек и пил борком. Лицо его мне показалось знакомым. Он тоже поглядел на меня. Я спросил его французской воде и принял пиво. Потом я спросил Синеву воли и прозрел, услышав свое имя. Еще секунду я не знал, что это. Потом мы бросились друг к другу. Остальные ночи мы проговорили, забыв про сон, прихвачив от одной спички прогуливавшиеся по черным макаренам перворядных неизвестных из страны. Былая дружба воссталася так же, как всея сии уже ушедшей горести. Он сказал, что работал в конторе предпринимателя. Он стал космополитом. Парис, Марсель, Алюн, Берлин, Хорватия, Париж, Марсель, Алюн, Берлин, Хорватия были для него не только географическими точками. На зерне я заметила, что он сел.

Вот одна из историй, рассказанных им в ту ночь.

Будем называть старика стариком. Все размы, как его звали. Важно только то, что он был берлинским почтальоном и что в мирную эпоху они сняли его постыдил где-то в России. Старуха умерла от «испанска».

Старик сам пареба себе картофельный суп и сам присоединялся к нему в кухонном уголке. Ну, а что тебе париться его помыть? В форменной тужурке, в национальных тапках бахмаках, в интических перчатках — таким я видел его. И руки по швам. Разговаривая со мною, он держал руки по швам.

— Волево! — сказал я ради шутки, но он наслушался и совсем «проглотил» арийца.

Ну, по порядку — с чего стартовали? Однажды получив от сортировщик-а своего посыпки писем и нагруженные сумки, он вышел под дождик. Дождик вдруг превратился в ливень. Старик вошел в парламент, чтобы не испортить форменную тужурку.

Он решил почитать адреса — и ноги его развализжало. На первый же открытие он увидел надпись: «Документы». Старик сунул письмо назад в сумку и поклонился, через стеклянную дверь за улицу. Все еще шел дождь. Для молодых парней бремя под дождем, обнимавшись и накрививши одни плечом. Старик видел только лицо для ног и никою колен и колени, молодые ноги. «Моя синевы были душевными, моя синева — мускулатурой, и мира в них были хрустящие...» Он всегда так думал о своих синевах; он помнил их в последний вечер перед отправкой на фронт, они напоминали вместе с отцом и папой домой обниматься — красивые мускулатуры — отец в середине, синева по бокам.

Лицо вспыхнуло. Старик поправил сумку и зашагал по тротуару.

Левин — командировала он себе — левой, подтапли брюхо, старина! — она была старым служащим и не должна была думать о синевовых «Бойни есть война», — рассуждал он, поднимаясь и спускаясь по лестнице своего квартилы. И его дед бабушка.

Он вспомнил, отдавая честь и протягивая письмо. Хордина всегда радовалася ему. Ему писало былое долголетие, его просили пристать, выкупить трубочку, выпить стакан кофе. Он хорошо знал всех в своем районе. И его тоже знали.

И этот раз долголетие оказалось открытым из Москвы. Пока он пил супростинский кофе, хордина дала ему письмо, чтобы открыть посланное. Она очень волновалася. На газовой плите висела кастрюлька. И старик вдруг тоже волновался.

— Да, да, — сказала она — мои синевы окончались в России. Как герой! Дайте я прочитаю открытие!

И он прочитал открытие для себя, слабо шевеля губами и воображая, как синева его живет и движется, что открытие письма из России, из Москвы. Сердце его стучало. Он ухватил газовую кофев, будий от волнения. А хордина, решив, что он против ее сини и против Москвы, с негодованием захлопнула за nim дверь.

На следующий день он принес к себе все письма из России.

Вечером он стирал белье и для бодрости пел старые солдатские песни. Потом он складывал письма. Ему показалось, что времени мало. Тогда он пошел в пивную и проходил там до ночи. Расплачиваясь с кельнером, он отдал честь.

На следующий день он принес к себе все письма из России. Над кипицами кофейником он распечатывал их и читал целый вечер. Потом он заснул. Чем приснится ему? Письма лежали перед ним на белой скатерти. Он думал о своих синевах. Вероятно, он вспомнил Москву.

Каждый день теперь он привозил домой письма из России. Ему было ждать вчера. Порядок. Он курил очки и читал, позывая пиво. Перед ним в рамке, висящий черным бисером, стоял фотография синевы. Железный крест был приколот к сверху, над курчавой головой младшего. Ночью он заклеивал конверты и на следующее утро разносил корреспонденцию.

Так прошло полтора месяца. Потом контролер обнаружил в кармане денежки два письма из России. Почта этого дня была уже доставлена. Старика вызвали к директору.

Он отдал честь, как всегда. Директор не склонил ему: «Мой дорогой друг», — он вспомнил все обстоятельства и сказала:

Старик повернулся плавно вправо и вошел из кабинета. Письма, найденные контролером, лежали на сортировочном столе. Старик убрал их. Утром он отнес их по адресам. Ему стыдно было идти в пиджаке, а не в форменной тужурке. Знакомые спрашивали у него, что случилось. Он молчал.

Однажды он явился в советское полпредство. Он просил помочь ему или позволить поехать в Россию. Что мы могли ему сказать? Что могла помочь? От стоя в приемной, носки провор, он вышел в коридор, впереди, руки по поясе, глаза полумечты, синевы,

— Вы больны?

— Точно так!

Через несколько времени мне позвонили из больницы, что он умирает и хотят его забрать. Я тоже не знал, но было не под силу. Он умер в больнице для инфицированных московской минут до моего приезда. Сестра, узнав, что я русский, дала мне открытие. Вот она...

Утром, не заснув ни на минуту, мы выпили чай в вагоне-ресторане. В раскрытые окна влетела морской ветер. Открытие лежала перед мной на столе. Вместо адреса было написано только одно слово: «Москва». С другой стороны стареческий потеха вымел: «Здравствуйте...» — и больше ничего. Он хотел написать много, но, вероятно, не успел или просто не успел

Еще раз о „широких натурах“.

ДРУЖБА И ДЕНЬГИ

В шестом номере «Смены» был напечатан очерк тов. Бенкова о стажанце Петре Абрамовне «Ламинеске» за то, что откладывала часть своей зарплаты на обогревательную печку. Особено резко нападал на Абрамову ее прежний друг Ефимов — «шпоровий ватра». Он наверху давал им право и право, покушав в коммюнистических магнитах равный хлам, купил и реставрировал, а потом «стремелся к притягиванию» к себе Бенкова из-за «членства в коммюнистической партии». Тогда же Абрамовна, вспомнив о Петре Абрамовне, сказала: «Отец твои Бенковы выдали отца моего Абрамова Петру Абрамовну на стороне Петра Абрамовна». Это говорит о росте квалификации рабочей молодежи, о ее прогрессивном и раскальбованном, распущенном, столь характерном для таких типов, как Ефимов.

О БЕРЖАЛИВОСТИ

Почтенный очек Бенкова, я решена подделать с читателями. Согласно ему, я должна по вопросу об бержаливости и раскальбованности.

Петя Абрамовы тысячу раз прав. Этот человек коренное задумывается над жизнью и не рассматривает государство и своих товарищей как собес. Сбераение средств не обособляет достоинства рабочего или служащего. Сбераение не только помогают каждому вличине, но и приносит огромную пользу государству.

Пример из своей жизни. Задрабатывая я хорошо и имел сбережения. Но вот я заболела всеми сердечно и в течение двух лет не мог оправиться. Правда, в лечении мне помогали, но все же, не будь у меня сбережений, я бы не смог лечиться как следует, я бы перенесла, и семья бы беспокоилась. Разве мало таких случаев, когда трудно предвидеть? Сбережения всегда вырачут, и, кроме того, чувствуешь, что ты вдвойне являешься строителем государства.

Я. БЕЛОВ

Москва

ЗАМЕТКИ ОБ ИНТЕРЕСНЫХ КНИГАХ

Обложка книги «Плавание „Жаннеты“».

8 июля 1879 года пристали к городу Сан-Франциско и береговые холмы были густо заселены народом. Крики, смехи, пароходов, аисты сорились воздуху. Американцы проножили в длиний и опасный путь к северному полюсу арктической экспедиции на корабле «Жаннета». Экспедиция вел

„ПЛАВАНИЕ „ЖАННЕТЫ““

лейтенант военно-морского флота США капитан Джордж Де-Лонг.

Спустя два месяца по выходе из Сан-Франциско «Жаннета» недалеко от острова Геральда была затерта льдами. Путь к северному полюсу был преграджен, корабль стал игрушкой северных течений, пленником льдов.

26 июня 1880 года в дневнике Де-Лонга появляется такая запись:

«Мы встали в час, дрейф уносит нас в юг, мы смеемся, и мы бессильны хотя бы на сантиметр изменить наше движение. Сегодня мы полны надежды, что завтра наступит перемена, и завтра с грустью уверяемся, что ничего не изменилось, что лед продолжает бояться, что мы можем утонуть. Мы дрожим, падаем внутрь, ни перед чем не остановимся, но мы бессильны, как зажалоченные за решеткой».

Началась зимовка. Но и это стальное испытание было выдержано командой «Жаннеты» с чисто: не вынуждалось ни нарушений дисциплины, ни серьезных заболеваний.

С нетерпением ждали экипажи льдов наступления лета. Оно пришло, но льды упорно не хотели выпускать свою долю. «Жаннета» дрейфовала вместе со льдами, черты пригнувшей лилии: сегодня на землю, завтра на восток, потом на запад, завтра на юг, потом на север.

Судно подвергалось первоначально склону, пока, наконец, 11 июля 1881 года не наступила катарсификация «Жаннеты», падавшая алыми, погружается в океан, и люди остаются один в ледяной пустыне».

Они вдали в Новосибирском океане, вдали от тысяч прошлостей. Они плывут в борьбе за засланные берега Сибири, устье Лены, но тут втором раз «заплыли» люди. Партия Де-Лонга вымаживается в дельте Лены, бежит по пустынным берегам супротивной реки. Иссыкую сказ, кончается за Сибирь, чайна, экспедиция Энрикеса, первая мировая продажа. Де-Лонг не теряет времени: дуя: он вымажет апероль, к якутским ставицам, двух членов (Ниндемана и Нороса), и все остается с компанией. Идут

дни, Дневник скучно регистрирует события:

— 23 октября. Все очень сльбы. У нас нет обуви, ноги болят.
24 октября. Тяжелая ночь.
25 октября. Иверес скончалась рано утром.

29 октября. Ночью скончалась Дресслер.
30 октября. Ночью скончались Борис и Годлу.

На этот момент образовалась экипажная Де-Лонга, не соизволившая замечательная книга, выпущенная издательством Гансенсмюнц. О том, как добирались до берега и населенных мест другая партия, о том, как Ниндеман и Норос организовали экспедицию по тому, как бы заняться на пустынных берегах Амура тело Де-Лонга и других участников экспедиции, повествует захватывающая часть книги, выpusкнутой издательством Гловесмюнц.

«Плавание „Жаннеты“ — прекрасный вклад в арктическую библиографию. Годлу, автору книги, тщательно, доходчиво, языком стириоза и снобизма, картой дрейфа «Жаннеты» и путей экспедиции на материк.

В. У.

ЗА КАЧЕСТВА БОРЦА

Я студент Московского энергетического института, мне 22 года.

Я вполне согласен с тов. Вензовым относительно Пети Абрамова. Где называть его стажателем, стажателем собирает и кончит деньги в кинотеатре, ради азарты, которую дают деньги в кинотеатре, ради общества, ради удовлетворения честолюбия. У него накопление — дело. Ради денег стажателем не попушается подкупом, убийством, грабежом.

Петя откладывает деньги на покупку мотоцикла, на поездку в Крым, для обучения в вузе. Какой же он стажател?

Только политическим недомыслием и коммунистом можно обличить ответ Петя секретаря комитета Вигтора. Такие секретари должны сами себя воспитывать, а потом руководить молодежью.

Обоее возмущение называет у меня постулатом Лени Ефимова. Он стажанец, но в жизни недисциплинирован, беспорядочный.

Мне обязаны готовить себя борцов за миропорядок и справедливость.

Для выработки характера революционера: храбрости, мужества, прорывки и смелости и преданности величии идеям коммунизма — это значит упорно, повседневно воспитывать в себе антифашистскую вмимость, упорно учится и учиться.

Тов. Ефимов! Главное — это дисциплинированность и план в работе и личной жизни. Ты живешь как раб минутной приятности. В случае войны ты будешь плохим бойцом.

Поступок твой по отношению к Пето ведь Ты олевал его, будни кругом винят. Ты действовал как мещанин, как чухан.

Вот ты хорошо нарабатываешь.

А много ли кудакостеной и политической литературы ты прочитал за 1936 год?

Как ты обогащаешь свой мир, как развиваешься, как продвинулся вперед? Жить так, как живешь ты, тов. Ефимов, недопустимо для комсомольца, то противоречит коммунистической этике. Это просто надо по отношению к тем, кто создал нам счастливую юность, и к тем, кто в фашистских странах мужественно и бесстрашно работает для победы мировой революции.

Студент МЭИ им. Молотова
А. А. МЕРКУЛОВ

Ю. ДОЛГУШИН

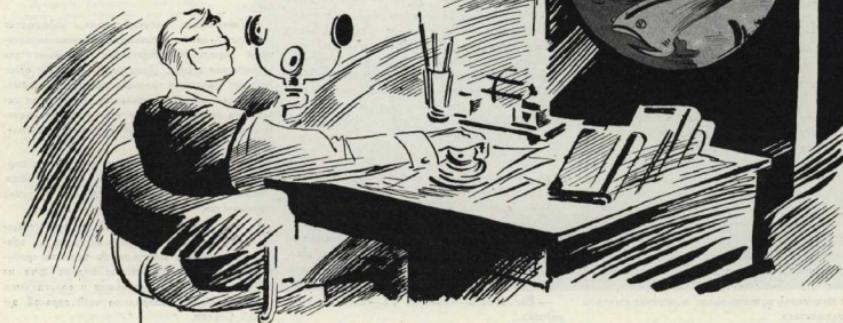
С покойный, мелодичный, постепенно нарастающий звук заринает тишину моего рабочего кабинета.

Каждый раз эта примитивная мелодия, похожая вначале на журчание приближающегося издали насекомого, вызывает во мне приятное ощущение комфорта и вместе с ним каковое теплое чувство преклонения перед человеческим гением. И слова возникают в мыслях невольное сравнение современного телефона с прежним. Я помню слишком хорошо, как лет десять — пятнадцать назад разные звонки на письменном столе заставляли меня вздрагивать от неожиданности и будни и путал уснувшего ребенка...

Теперь я могу не принимать к ушам разную телефонную трубку. Как только послышалась такое журчание, я слегка коснулся пятивугольной руки маленького будийского божка, сидевшего рядом с чернильным прибором.

Приходит к движению законы электрических токов. Сопровождается цепь вереница хлестов, столь же простых, как и таинственные, связанные могучей таинственной логикой.

Ненадимое насекомое прекращает свой полет. В стенах, в небольшой нише, задрапированной шалью, возникает едва слышимое шуршание влагоизолированного репродуктора. Чуткий микрофон улавлививающий все, что слышит человеческое ухо, и тоже спрятанный в стенах, позволяет мне разговаривать с моим далеким собеседником из любой точки комнаты так же, как если бы этот собеседник находился тут же. Впрочем, он действительно присутствует здесь. Все от того же легкого покачивания руки будийской статуэтки верхний свет в комнате наполовину гаснет, большая зеркало у стола теряет свой блеск, перестает отражать предметы... на его поверхности появляется знакомая фигура доктора Горна, моего старого друга.

— Я так и знал, что вы еще не спите, — говорит он. — Хотите совершил интересное путешествие?

— Сейчас? Но ведь уже 23 часа...

— Пустяки, дорогой мой! Нельзя же думать, что вы на этом основании откажетесь от небольшой прогулки на дно Байкала... К тому же спуск нашей новой батисфери начался уже 5 часов назад. Имейте в виду, что ледокол «Антар» передает этот спуск сегодня только на моей академической волне и тут у меня сегодня собралась весь спасатель наших учеников: биологов, ихтиологов, геологов... Впрочем...

Человек на кресле повернулся в сторону, и по его лицу скользнула блик света.

УГОЛОК ФОТОКОРА

О ЗАКОНАХ КОМПОЗИЦИИ ФОТОКАДРА -

Письмо фотографу Яковлеву

Тих. Яковлев!

Вы сокрушаются о правиле композиции фотографии? Я напоминаю вам, что существует множество хороших фото.

Существует несколько важных композиций, о которых мы постараемся кратко рассказать вам.

Самый главный — это закон равномерности. Всегда симметрическое фото уравновешено в своем общем лице, а в глубине — уравновешены планами. Если, например, в одной части снимка белая листва дерево, вторая часть симметрии должна быть уравновешена темным элементом, например кустом, дорогой, наущим человеком и т. п. Чисто симметрическое уравновешивание не всегда является правильным приемом работы. Уравновешенность надо, нужно соблюдать чувство меры, иначе легко перегрузить уравновешенную часть.

При перспективном построении кадра обычно берется три плана: первый план, который служит декоративной деталью, второй план, на котором надлежит представить вдалеку предметы, и, наконец, дальний план, служащий общим фоном. Во всяком снимке что-то должно быть различимо, оставлено — второстепенным. Второстепенное подчиняется главному с таким расчетом, чтобы всецело выделить главное и отвлечь внимание зрителя. Главное не обязательно должно быть на переднем плане. Главное может быть отдаленная вспышка на горизонте, но она должна быть скомпонована с декоративным передним планом. При съемке всегда следует ясно себе представлять, что в снимке будет показано — что второстепенно. Это второй закон композиции.

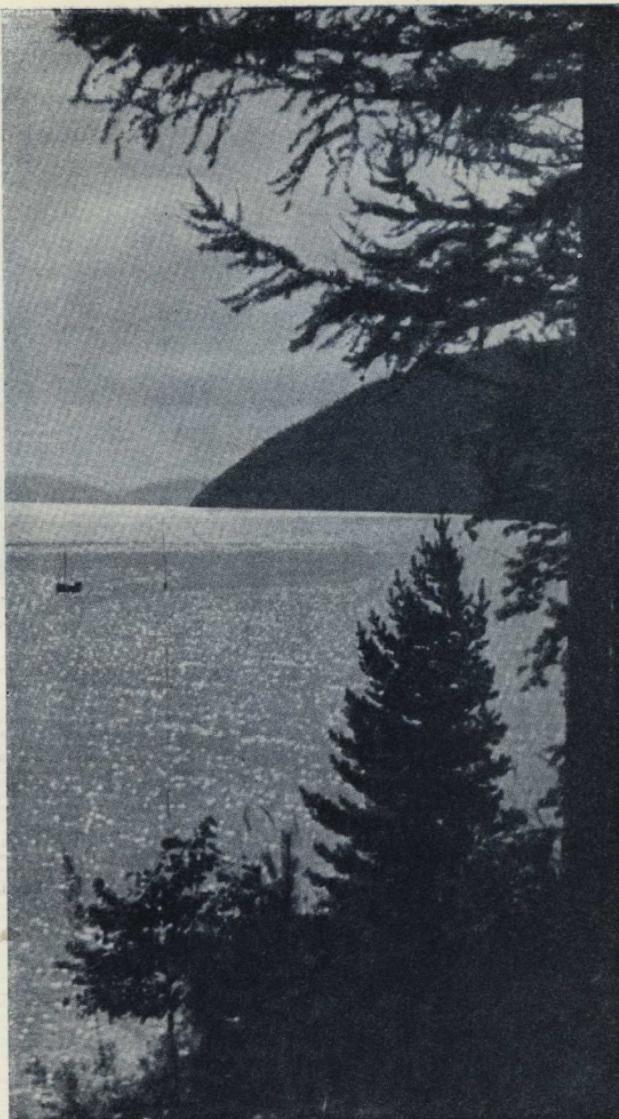
Третий закон — закон пропорций напоминает. Выражается он в том, что куда направляется движение (с портрета — взгляд), там остаются более пространства. Например на снимке — бегущий человек. Если бежит слева направо, то пространство должно быть больше для пути, чем для пути, на который смотрят. Путь, на который смотрят, должен быть короче, чем путь, на который смотрят.

Четвертый закон — это правило симметрии. Возьмем два случая: построение по симметрии и построение диагональное. Симметрия анений — обычно наиболее скучное и невразумительное построение. Но иногда симметрическое построение наиболее полно отвечает замыслу.

Самым же трудным в динамичных композициях является построение по диагонали, где основные линии объекта идут по диагоналим. Крайне выигрышно будет такое построение, где не одна линия не идет параллельно другим и не повторяет первую. Несколько в портрете напоминает, что эти линии могут иметь различные направления. Это придает груду динамичность и выразительность.

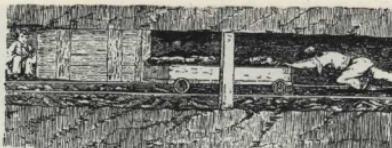
Сказавшим, конечно, не исчерпавшимся законом композиции. Одним этого достаточно, чтобы не делать себе роль художника, а для съемки. Хорошие снимки лучше рассмотреть, than читать о них. Тогда равная свобода и совершенству творческую, им скажем даже эмоциональные работы.

И ГУЩИН

Озеро Байкал.

Фото А. ДЕБАЛОВА

Англия сороковых годов прошлого века. Атесский груд в шахте.
(С рисунка того времени)

БЕССМЕРТНАЯ КНИГА

Статья Р. ЛАНДАУ

Летом 1845 года в Лейпциге, в издавательстве Виганда, вышла книга «Положение рабочего класса в Англии». Страстием пристрастом дышал ее страницы, посвященные жизни и страданиям английского пролетариата. Автором книги был 24-летний Фридрих Энгельс, член тайного комитета из Англии, где он пробыл около двух лет.

Не просто любознательный путешественником была Энгельс. Свои наблюдения он начал, покоренный знаниями английской истории, политического строя и экономики. Упорно, настойчиво, с жизненным интересом изучая, он во все детали англиканской жизни. Ему удалось увидеть то, чего не видели до него самые внимательные блогдасты.

В конце августа 1844 года Энгельс распроспрашивал друзей и знакомых родной Бармы.

«Я влез с головой в английскую жизнь», — писал он, по которым составляло свою книгу о положении английских рабочих. — пишет он своему другу Маркусу 19 ноября 1844 года. — К середине или к концу листя я надеюсь кончить ее. Я составляю англичанам славный перечень из грехов. Перед лицом всего мира я обвиняю англичанку, борющуюся в массовом убийствстве, грабежах и других преступлениях¹.

Быть может, здание, книги, журналы, пластики, официальные документы, списки парламентских отчетов и множество личных воспоминаний — вот каким материалом оперировал автор. 15 марта 1845 года было написано предисловие и уже душевно послана издателю.

Спустя сорок семь лет, в 1892 году, в предисловии ко 2-му изданию своей книги Энгельс писал: «Как достоверна, так и недостатки этой книги ложат мы себе язвы следы молодости автора. Мне были тогда 24 года. Теперь я в три раза старше. Но, перечитывая снова эту работу юности, я нахожу, что мне нечего ее стыдиться»².

Англия поразила Энгельса своим величием.

«Я не знаю ничего более впечатляющего, чем вид яркого солнца, поднявшегося под сажающим в Лондонском мосту. Эта яркость, яркость домов, перфии с обеих сторон и яркость рабочих изгородей со стороны Вулвича, бесчисленное множество кораблей ядовитых обоях берегов, все плотнее и плотнее смыкающихся и к концу оставляющих лишь узкий проход по средине реки, по которому постоянно снуют сотни пароходов, — это — это, это — это величественно, столь грандиозно, что и споминается величия Англии еще разные, чем вступишь на ее почву»³.

Часами блуждал Энгельс по Лондону. Здесь жило два с половины

миллиона людей. Лондон стал главным коммерческим городом мира. Здесь были грандиозные docks, тысячи кораблей...

Но очень скоро Энгельс отдает себе отчет в том, какова цена всего этого великолепия.

Всех больших городах Великобритании процветали бордельы, кабаре, кондоны и Манчестер, в Дублине и Алисе.

«Везде варварское равнодушие, беспощадный языком с одной стороны, и беспредельная иницита с другой», — говорит Энгельс. — Везде социальная война, дом каждого в осадном положении, везде взрывной грабеж под охраной закона, и все это делается с такой бессмыслицей откровенности, что приходится в ужас от последствий наблюдать, а не от страха, и удивляться только тому, что все эта безумная сказка может еще продолжаться»⁴.

Задумчивый и серьезный, бродит Энгельс по помещениям хардтуалу Лондона. Это Сент-Джайлс, знаменитое «Вороты гнезд». Беспорядочные кучи трех- и четырехэтажные дома, Грязные узенькие улочки, ухабы, лужи...

«Дома битком набиты жильцами от подвала до крыши, от окон до потолка, от пола до потолка. Но все это ничто в сравнении с домами в тесных дворах и перекрытиях между улицами, куда можно попасть через крытые ходы между домами и где грязь и ветхость не поддаются очищению»⁵.

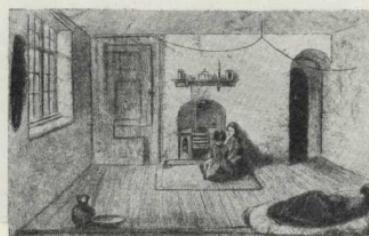
Энгельс с ужасом видит, что здесь почти нет ни одного целого окна на стекла, что стены обшиты, засорены копотью и окраинами домами и еле-еле дышат. Картину разрухи, где полычат двери, слышишь из старых досок. И нога двери совсем нет. Всегда мусор, зловоние, помои...

Здесь живут беднейшие на бедняков, рабочие получавшие самую низкую плату. Немедленно, что обитатели этих страшных жилищ падают все сильнее и ниже.

А рядом приездные, светские, просторные дома богачей. Бедняки радко напоминают этим счастливцам о своем существовании. Разве

¹ Там же, стр. 85.

² Там же, стр. 87.

Рабочая квартира в Лондоне в 1844 году.

только, как на грязи, спрятаны беды, пропущено, натастрофа. Ну, тогда уже ничего не поддается. Появляется полиция, происходит расследование, выясняются обстоятельства дела, вызываются пострадавшие, преступники...

На дворе зима. Прорызающий холода февральский день. Перед полицейским судом на Уоршифф-Стрит, в Лондоне, два малыши. Они «ребята из улицы», — называют их лицемерно. «Сын», потому что боялись сидеть в тюрьме.

В связи с этим преступлением полиция пришлось выяснить, где живут мальчики. Оказалось, матер-вода, девять человек детей. Нищета ужасна. В маленькой пустой комнате два сло-

Фридрих Энгельс в период работы над книгой «Положение рабочего класса в Англии». Тогда Энгельсу было всего 24 года.

манных стула и разбитый чайник. В печке ни седла огня. В углу лежат лохмотья — постель всей семьи...

А вот и другой случай. Умерла женщина. Нужно выяснить ее личность. Полиция принимается за дело. Оказывается, несчастная жила одна в заброшенном доме, в котором преступники лежала на кухне первым, которые так пронесли к ее исследованию, иссеканному насекомыми телу, что врач не мог исследовать труп, пока он не был очищен от первых. Часть тела в комнате была сорвана, и вся семья пользовалась этим случаем, как уборной.

«Я не думаю утверждать», — пишет Энгельс, — что все любопытные рабочие живут в таких нищетах. Но есть и другие рабочие, честные люди, честолюбивые и честные сми... и, что влагает проявление — каждого без исключения — может постичуть такая судьба»⁶.

В Лондоне пятьдесят тысяч человек бродят без крова. В туманные, сиреневые, холмистые ночи эти жалкие фигуры, густо, идут пристанищами тепла, подогревающими ворота домов. Но какие же страшные берега — грязные, зловонные, темные! По пять—шесть человек лежат на одной постели — старые и молодые, женщины и мужчины, больные и здоровые, пьяные и трезвые...

«Слава Богу, что Лондон и в особенности его рабочих кварталов в высшей степени благоприятен для развития чакоты... — говорит Энгельс. — Когда ходишь по улицам рано утром, в то время, когда все спешат на работу, прямо удивляешься, какое множество встречаешь поду- или совсем чахоточных людей.

⁶ Там же, стр. 90.

...Эти бедные, долговязые, узогрудые приключения с визищами глазами, которых встречаешь на каждом шагу, эти бессильные, вялые, лишенные всякой энергии лица я видел в таком поразительно громадном количестве только в Лондоне... С чакотой конкурирует, если не считать другого такого болезненного и скрывающегося вида тифа... В общем, изображение о социальных условиях жизни рабочего это общеизвестное лицо прямо изображается как следствие плохой вентиляции, сырости и грязи жизни рабочих¹.

Всюду Энгельса особо привлекли лондонские фабрики.

Полный негодования, рассказывает Энгельс, как тяжела жизнь фабричных рабочих и как беспощадно губят фабрики и фабричные системы мужчин, женщин и детей.

Но вот тут-то и начинается данный рабочий день на бирже: действуют на организм. Нередки случаи, когда к сорока годам мужчины уже становятся истощенными.

Женщины плохо переносят непосильный для них труда. Беременные работают на фабриках до самых родов. Бывает, что они рожают на самой фабрике среди машин.

Дети же, кроме того, работают на фабриках с пятнадцати лет. Их рабочий день — четырнадцать — шестнадцать часов. Дети так устают, что не в состоянии или после работы дома и засыпают где-нибудь на фабрике — в сушняке, под ширмой...

Энгельс не только описывает бедствия английской пролетарии, но пишет и о будущем.

Через всю книгу Энгельса проходит идея неизбежности крушения капитализма, неизбежности социальной революции.

Энгельс обнаружил классовый характер общества и классовую борьбу неизмеримо более ярко чем писатели, верившие в возможность «исправления».

«Общественные классы все реже и реже обособляются друг от друга, дура простирается все более и более охватывает рабочих, олесточение растет, отдельные партизанские стачки разрываются в более крупные сражения и демонстрации, и скоро достаточно будет небольшого толчка для того, чтобы пролетариат вышел в движение... Годы, бездумно, расходятся в этой стране боевой клич: «Война! Дворцы, мир хижинам!»

Энгельс понимал, что коренное улучшение положения рабочего класса при капитализме невозможно.

И сейчас, спустя почти сто лет после выхода труда великого труда, в пораженных буржуазии промышленных районах Англии, где царят жесткая беднота, можно встретиться на таких же картинах, какие нарисовал Энгельс. Те же трущобы, те же пищевые и лишенные, голод, безысходность...

Энгельс с неизменной прозорливостью постиг дух капиталистического способа производства.

Линин в своей статье «Фридрих Энгельс» дает такую характеристику этой книги:

«И до Энгельса очень многие изображали страдания пролетариата и указывали на необеспеченность помочь ему. Энгельс же, наоборот, пропагандирует творческое создание класса, который может избавить свою экономическую положение, в котором находятся пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое концептуальное освобождение. А борющийся пролетариат сам поможет себе. Политическое просвещение рабочего класса неизбежно приведет рабочий класс к тому, чтобы избавить себя от класса капиталистов. С другой стороны, социализм будет только тогда силой, когда он станет целью политической борьбы рабочего класса».

Молодой рабочий нашей страны с величайшей пользой для себя прочитал гениальный труд Энгельса. И, прочитав, вспомнил, сколько его братцев за рубежом живут в условиях немногим лучше тех, о которых описаны Энгельсом, еще раз задумался над величиной исторических побед, записанных в сталинской Конституции страны социализма.

¹ «Положение рабочего класса Англии в 1844 году», стр. 145. Госиздат. 1928.

Александр Демин.

ГОЛУБАЯ ЛЕНТА

Очерк В. ВИКТОРОВА

Многоборье, на старт! — грохот разрыватора, и со всех концов стадиона не спеша, с развалом, спешатся спортсмены. Разноцветные шаровары, маши, небрежно перекинутые через плечо, расхлебанные движения. Трудно представить, что через несколько минут эти люди, еле передвигающие ноги, сорвутся с места и с быстротой урагана побегут вперед.

Расслабленные мышцы имеют определенную цель: спортсмены получают максимум отдыха, стартуют прыжком.

Выходит широкоплечий атлет, пересекая зеленое футбольное поле, направился к старту. У него тело 18-летнего юноши, а на лице прощерло несколико глубоких морщин — следы многолетней борьбы. Таков заслуженный мастер спорта Александр Демин.

На старте бегущие начали склоняться, склоняли вперед колени, сжалась в комок, синий роет им под узды. Камбала «проглатывается»! Тела, склоненные в узкую комок, понгились к земле. Сигналы выстrelа. Выпал... и через 11 секунд Демин срывается финишную ленту.

Огромного напряжения требует спринт отбегуна. Стартовом — такое взрыв физической и нервной энергии, который разносит многихちゃんと напряженной растяжкой.

Но мгновение нового отдохнуло после бега, и разбегать надо, затем прыгать в длину. В течение двух дней они участвуют в дистанции разнообразнейших легкоатлетических упражнений. Таков многоборье — «декатлон», излюбленное состязание древнегреческих олимпийцев.

Александр Демину 33 года. Достаточно однажды вспомнить о нем, чтобы сказать, что это спортсмен! Так мы узнаем в толпе легионов лишь таких львов. Демин — один из лучших спринтеров Москвы. Демин — один из лучших московских борьбистов и эстафетчиков. Демин — прекрасный прыгун в длину и опытный шестовик.

Легкая атлетика требует молодых мышц и нервов. На теннисном корте можно с успехом выступать в 40 лет. На ледяной дорожке можно быть молодцем и тогда, когда голова се-

ребрится не только от инея. Даже в боксе, где царят неумолимая диктатура 20-весников, бывают исключения, но в легкой атлетике исключений нет. Поэтому существует в легкой атлетике особый разряд «старичков». В этот разряд переходят те, кому исполнится тридцать пять...

Многоборье статистика определяет с абсолютной определенностью, что все мировые рекорды в спринте (бег на 100 и 200 метров) установлены людьми в возрасте от 18 до 20 лет. Ни один прыгун не удивляется на высоте к 30 годам. Но вот Демину 33 года, и когда его спрашивают: «Сколько вам еще собираетесь продержаться на спортивной арене?» он отвечает так, как будто в этом нет ничего удивительного: «Еще года три проработаю, а затем не буду на отдельных видах легкой атлетики».

Спорт обогнался с наукой. Законы физиологии и биомеханики определяют, как заставить мышцы работать лучше любой другой системы. Появились спортивные ученические тренинги, которые на основе современных научных знаний определяют ту систему, которая даст наибольшие совершенные результаты.

Один из первых тренеров изобретатель из первого старта, американец Михаил Мерфи, рассказывал, как в 1887 году его ученик Чарльз Шеррелл,первый в истории спорта, взял национальный рекорд в прыжке в длину. Шеррелл не умеет брать старт и останавливается. Пришлось долго разяснять, что бегун, прыгавший к земле, держащий свое тело на вытянутых руках и упруго подогнувших ногах, может взять старт неуже тех, кто стоит прямо.

Теперь никакой старт, разработанный по основам биомеханики, обязательен в беге на короткие дистанции.

Раньше, — говорит замечательный тренер, — существовала легенда, что бегуном так же, как и поэтом, нужно родиться. Современный тренер требует прежде всего упорной работы. Для того чтобы быть первоклассным бегуном, — говорит Мерфи, — нужен исключительный комп-

Александр Демин выигрывает эстафету у Пумкина и Альяко (составляя на первенстве Москвы в 1953 году).

леке силы, ловкости и невиной энергии. Нужно выработать в себе умение подавать максимал-ную выпаду от каждой затраты энергии.

Если многоборье — личная энциклопедия легкой атлетики — владеет техникой десяти номеров, то легкоатлет неизвестен только один какой-нибудь номер: или бег, или метание, или прыжки. Бегун тренируется так, чтобы получше развивать ноги и грудную клетку, чтобы лучше развивали бедра и верхнюю часть плечевого пояса. Для того чтобы показать вдалиющиеся результаты, нужны годы упорной тренировки.

Опыт показывает, что человек, не прошедший специальной тренировки, может прыгнуть не выше половины своего роста. Способный тренированный прыгун пригает не выше своего подбородка, и только прыгун с многолетней тренировкой может взмыть выше в свой рост. А ведь современные мировые рекорды превышают высоту 2 метров. Это рост человека-гигант!

Два десятилетия легкоатлеты стремятся к пределу человеческих сил и возможностей. Теперь этот предел уже блонз. Если в начале века счет новых рекордов велся на минуты, затем — на секунды, потом — на десяти доли секунды, то сейчас улучшения этого или этого рекорда замечаются сотнями секунд.

На Западе все больше внимания уделяют

многоборью. Вся сложность многоборья заключается в том, что, тренируя бег, очень трудно сохранить форму для прыжка, а работая над прыжками, очень трудно выдернуть время для метания.

Многоборье на Западе называют сейчас «голубой лентой» легкой атлетики (голубая лента — приз для самых совершенных атлантических кораблей).

В древней Греции многоборье состояло из 5 номеров: бега на 190 метров, прыжка в длину, метания диска, метания копья и борьбы. В античные времена многоборье складывалось из прыжков в длину, метаний и бега на 200 метров, метания копья и бега на 1500 метров. Двадцатый же имеет такую программу: стометровка, ядро, прыжок в длину, диск, бег на 400 метров, бег на 110 метров с барьерами, прыжок в высоту, прыжок с шагом, метания копья и бег на 1500 метров.

Каков разнообразней! Какая всесторонняя подготовка нужна спорту, чтобы в два дня выпилить такую программу!

У Демина не было тренера, который хотя бы никогда бы не знаменитого американца Мерфи, и первые шестнадцать лет, которые, по рецепту мирового призыва Особорна необходимо использовать для трени-

ровки, тоже пропали даром. Просто как-то летним подъемом проходил Демин по Покровке и увидел, как в небольшом садике группа молодых крепких ребят прыгала через барьера... Он остановился и долго присматривался.

Весной 1920 года Демин был уже четырнадцати лет. В садике занимались слушателями выпускных военных курсов физиотерапии. И вот чтобы попасть на эти курсы, Демин пошел добровольцем в Красную армию.

Спустя два года он на первые выступления на стадионе. Первое же выступление показало большие способности Демина в легкой атлетике. Его интересовалась все. Демин тренировался в бассейне, в парке, в спортзале.

Настоящая работа, изо дня в день, из года в год, началась с середины 1925 года. Демин десять раз побывал с рубежом. Во Франции он наблюдал работу мировых чемпионов: Бонтона, Левелока, Пикрова, Горенса; в Финляндии видел легендарного Нуутса и не-превзойденного метателя Ярвиена. Демин не перестает совершенствовать свою технику, держит абсолютный рекорд в многоборье — 5368,42 очка. Счет в многоборье довольно сложен. Каждый номер имеет максимум тысячу очков, таким образом, вящий результат, до сих пор еще никем не показанный, раздел 10 000 очков.

В начале сезона Роберт Лисулько отобрал десятический рекорд в многоборье. Но новый рекорд простоял недолго. 17 августа на стартовых весенних соревнованиях по легкой атлетике Демин в сумме 5 движений набрал 2893 очка, почти на 100 очков выше старого рекорда.

Обеспечность многоборья в том, что нужно давать наивысший средний результат по каждому номеру. Если, например, многоборец пройдет 100 метров в исключительное время — 10,5 сек., а в высоту прыгнет всего на 140 см — это не будет считаться спортивным. Объясняется это прежде всего тем, что современная легкая атлетика вся строится на раскрытии мишиц во время работы.

Демин хорошо изучил «маховую» технику бега и применяет ее.

Мато Ярвиен-младший, сын атлетической фамилии, всегда уступал своим братьям в спортивных упражнениях. Как-то юноша заметил, что его братья всегда соревновались с братьями в метании копья. И он спросил себя: «Быть бы здесь старшим». Мато однажды так напрягся, что разорвал себе локтевой сустав. Но он не хотел бросать тренировки и, чтобы облегчить большую руку, начал метать копье не из-под плеча, как требовала старая финская техника, а над плечом. Здесь он добился замечательных результатов.

Так возник новый современный стиль концепции. И эту технику также детально изучил Демин.

Прыгун Особора, один из первых ваянний высоту выше 2 метров, установил, пожалуй, быть конституция прыгуна. Газане — это сильно развитые мускулатура верхнего пояса и бедра. Демин хорошо развил себе эти групповые мышцы.

На мировых стадионах идет напряженная борьба за десятые доли секунды, эти показатели физической конституции. Недавно Джон Диорн, спортивный врач и тренер, обратился с вопросом к мировым атлетам: «К какому пределу в легкой атлетике мы стремимся?» Ответы были единодушны: к пределу, измеряемому не целыми, а дробными числами. Но именно здесь, в самых рекордных вершинах, требуется наиболее совершенная подготовка. 20 лет назад легче было улучшить рекорд на целую минуту, чем сейчас на одну десятую.

Для этого необходима высокая культура тренинга. Эту культуру дает «голубая лента» легкой атлетики — многоборье.

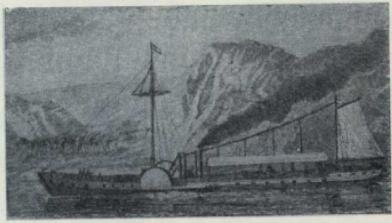
Книжка журнала «СМЕНЫ»

ПЕРВЫЙ ПАРОХОД

Роберт Фултон.

17 августа 1807 года состоялся первый рейс парохода гениального изобретателя Роберта Фултона.

«Клермонт» на реке Гудзон.

«Клермонт» — так был назван пароход, совершивший свой рейс по реке Гудзон, между Нью-Йорком

и Албани, длиной по 240 километров, в 32 часа.

Это было началом мирового пароходства. Изобретатели пытались использовать паровую машину как двигатель на судах. Но все их попытки не увенчались успехом. Паровая машина сконструирована французским изобретателем Денилем Папином в 1707 году, была разрушена озлобленной толпой лодочников, испугавшихся механического конкуренции. Это отодвинуло развитие пароходного сообщения на сто лет.

Фултону, получившему свое изобретение под грифом «законченное и изданное», было известно, что «Клермонт» «глупость Фултона». Но Фултон не опускал руки. И когда его пароход благополучно совершил свой первый рейс, симпатии населения перешли на сторону гениального изобретателя.

В России первые пароходы по-

бывали за боспорское восстание, обществох и т. д. Кроме того что Тулько ССР отказалась от причиняющей ей суммы, выданной жертвам, чтобы эти деньги были израсходованы на нужды народного просвещения в Китае.

После подавления восстания империалисты обложили Китай снарядами для деревенской и срочного флота. На рисунке: свое укрепление в Тянь-Лине.

бывали в каких-либо антиевропейских обществох и т. д. Кроме того что Тулько ССР отказалась от причиняющей ей суммы, выданной жертвам, чтобы эти деньги были израсходованы на нужды народного просвещения в Китае.

ГИБЕЛЬ ЭКСПЕДИЦИИ СОЛОМОНА АНДРЕ

6 августа 1930 года команда корабля парохода «Братство» обнаружила на пустынном берегу у Белого острова останки Соломона Андре и его спутника Страйбера. Так разыскалась тайна, которая волновала научный и спортивный мир с 1897 года.

В 1896 году шведский исследователь Соломон Андре был занят опытом с воздушными шарами. Он пытался разрешить интересную задачу управления воздушным шаром при помощи гайдаров* и парусов.

Летом 1897 года состоялся полет Андре в Арктику. Вместе с Андре отправились два молодых ученых: физик и фотограф Страйберг и инженер- воздухоплаватель Кнут Фресскаль.

Андре надеялся управлять своим шаром при помощи гайдаров, балластных канатов и парусов. Но очень скоро «Орел» — шар Андре — потерял часть гайдаров. Все

*Гайдар — канат, сбрасываемый при спуске аэроплана: вачка по земле, но играет роль гермеса и отчего блестит.

БОСПОРСКОЕ ВОССТАНИЕ

Весной и летом 1900 года весь Северный Китай был охвачен восстанием, известным как «боксерское». Это было мощное крестьянское движение, направленное против феодального гнета и насилия европейских империалистов. Для империалистов Китай был местом грабежа и насилия. Особенно привлекал Европейцев право торговли опiumом, существо им огромные бармы.

Засуха и голод 1899 года усилили возмущение масс. Во время одного из столкновений боксеров с иностранными войсками были убиты советники японской миссии Су-

гияма и германский посланник Кеттлер.

Это было сигналом для нападения иностранных армий на Китай. Особенно страдали германские империалисты. Внезапно II напалтузовала 60 тысяч солдат международного корпуса, отправившихся в Китай, такими словами: «Пусть теперь в Китае живут немцы!» А если сейчас тебе кто-либо говорит, что одни китайцы никогда бы больше не пошли хотя бы косо взглянуть на немца!»

Каратальские экспедиции потопили в кролик восстание боксеров. В августе 1900 года были вымощены Кантон и Шанхай и сломаны стены Кантонского правительства, должно быть, против унизительных для себя условий: китайцам под страхом смерти было запрещено селиться в европейских кварталах, участво-

Соломон Андре.

же Андре не прервал полета, из которого он не вернулся. Судьба шара и его спутников долгое время оставалась неизвестной. И только в 1930 году благодаря найденным дневникам и письмам появилась возможность установить приблизительную дату трагической гибели Андре и его спутников. Последняя запись в дневнике сделана 17 октября 1897 года. «Наш моторная, авария, Андре и его спутниками пришлось ссыпалась.

Нет никаких материалов, которые бы указали точную причину гибели. Во всяком случае, экипаж «Орла» погиб не от недостатка продовольствия. Предполагают, что Андре и его спутники были занесены снегом и замерзли.

1 Слово «название» что значение получило от английского слова «бокс» (шар, кубик). Это слово фигурировало в наименовании многих изображений военных объектов.

ЗАКОНЧЕН ПРОИЗВОДСТВОМ И ВЫПУСКАЕТСЯ НА ЭКРАНЫ СОЮЗА

БОЛЬШОЙ ЗВУКОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

Артисты:

В. Д. ЯНУКОВА

Н. М. ЕРМАКОВИЧ

Г. М. МИЧУРИН

Б. П. ТАМАРИН

П. А. ОЛЕНЕВ

К. Г. НАЗАРЕНКО

Автор сценария —

Н. Ф. ПОГОДИН

Постановка режиссера —

ЕВГЕНИЯ ЧЕРВЯКОВА

Директор производства —

З. Ю. ДАРЕВСКИЙ

Композитор —

Ю. А. ШАПОРИН

Шеф-оператор —

М. Е. ГИНДИН

Оператор —

Б. А. ПЕТРОВ

Звукооператор —

С. В. КЛЮЧЕВСКИЙ

Ассистенты режиссера —

Е. В. БРЮНЧУТИН

Г. А. СЛАВАТИНСКАЯ

Художники —

Б. Г. КНОБЛОК

В. Г. ПАНТЕЛЕЕВ

М. М. КАРЯКИН

Текст песен —

С. Я. АЛЫМОВ

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ:

Заслуженные артисты Республики:

М. Ф. АСТАНГОВ

Б. Г. ДОБРОНРАВОВ

А. И. ЧАБАН

М. И. ЯНШИН

ЦЕНА 85 КОП.

